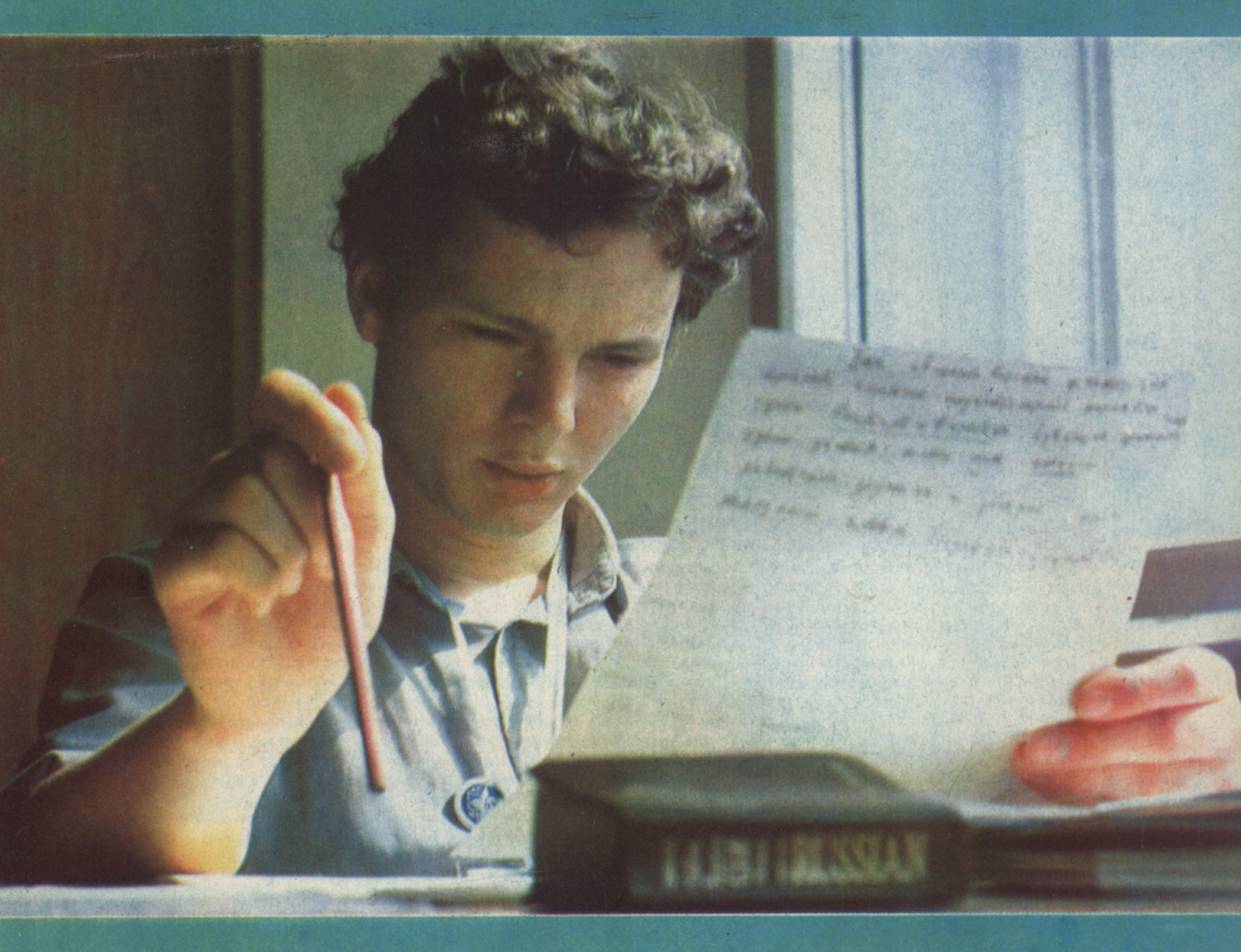
РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 9/84
Сентябрь

В НОМЕРЕ:

Этот снимок сделан на V Международной олимпиаде по русскому языку среди школьников, собравшей этим летом в Москве около четырехсот ребят из 44 стран мира. На снимке запечатлен если и не «момент истины», то приближение к ней, приближение к пониманию культуры и жизни нашего народа, к взаимопониманию молодых поколений разных стран; приближение к знанию. Сегодня оно, как никогда, в цене. Тому подтверждение — наш новый праздник: День знаний.

Репортаж о Международной олимпиаде читайте на странице 4.

Фото Е. СТЕЦКО

ISSN 0131—5994

БУХАРЕСТ. 1953.

IV фестиваль проходил в Бухаресте со 2 по 16 августа 1953 года, в нем приняли участие 30 тысяч делегатов из 111 стран мира. Лозунг фестиваля: «Нет! Наше поколение не будет больше служить смерти и разрушениям».

«Мы призываем молодежь всего света объединить молодые силы, чтобы дух переговоров восторжествовал над духом войны;

— чтобы каждый народ был хозяином у себя в стране и чтобы между народами на основе равноправия установились отношения взаимного доверия;

— чтобы осуществились все надежды молодого поколения на лучшее будущее и чтобы уважались неотъемлемые права молодежи;

— чтобы культурный и спортивный обмен между молодежью развивался беспрепятственно, так как это дает возможность ближе узнавать друг друга».

Из Обращения участников IV фестиваля «Вперед, молодежь всего мира!»

ШАГИ

ДОРОГИ В БУХАРЕСТ. ● Министерство иностранных дел Японии отказалось выдать выездные визы членам делегации японской молодежи на IV Всемирный, заявив, что их участие в фестивале противоречит национальным интересам страны.

● Вопреки запрету салазаровского правительства рабочие Лиссабона провели тайную встречу, на которой была принята резолюция в поддержку IV фестиваля.

● Австралийский союз строительных рабочих, несмотря на материальные трудности, вызванные забастовкой, послал собственного представителя на фестиваль.

● Молодые шведы собрали деньги в фонд солидарности, чтобы помочь друзьям из Судана принять участие в IV Всемирном.

ЭСТАФЕТА СОЛИДАРНОСТИ. ● Встреча фестивальных делегаций пяти великих держав — СССР, Китая, США, Великобритании и Франции — продемонстрировала глубокую заинтересованность молодого поколения в том, чтобы отношения между этими странами строились на принципах мирного сосуществования и сотрудничества.

● На фестивале состоялся день солидарности с молодежью, борющейся против колониализма. В актовом зале одной из школ встретилась молодежь Великобритании и британских владений. «Молодежь нашей страны,— сказал глава английской делегации,— страстно желает дружбы с молодежью колоний, чтобы каждая из них лучше использовала свои богатства для повышения жизненного уровня, чтобы молодежь этих стран принимала активное участие в управлении своей родиной...» Молодая французская поэтесса и журналистка Мадлен Риффо подарила делегатам вьетнамской молодежи свою книгу, посвященную освободительной борьбе народа Вьетнама. Мадлен по себе знает, что такое война, жизнь под пятой захватчиков. Разве могут она и ее французские друзья оставаться сегодня равнодушными, когда от рук французских колонизаторов гибнут их вьетнамские сверстники!

11 мая 1952 года в западногерманском городе Эссене во время антивоенной демонстрации полицейским был застрелен молодой рабочий Филипп Мюллер, делегат III Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине. Преступление в Эссене было лишь одним из эпизодов схватки между силами войны и мира. Незадолго до открытия IV фестиваля — в июне 1953 года — была прекращена развязанная американским империализмом война в Корее: свой вклад в борьбу за ее окончание вместе со всей прогрессивной общественностью внесла и молодежь. Через страдания и кровь шли к свободе колониальные страны Азии и Африки. Опыт показывал: только в единстве и сплоченности — гарантия победы. И именно стремление к единству собрало в Бухаресте представителей молодого поколения планеты. К ним со словами приветствия обратились многие деятели культуры, науки, общественной жизни.

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ МИРА

Фредерик ЖОЛИО-КЮРИ, французский физик, общественный деятель, один из основателей Всемирного движения сторонников мира: «Когда вы будете обмениваться идеями и опытом, когда ваши спортивные и культурные коллективы будут встречаться в соревнованиях, вы дадите человечеству больше, чем простые надежды, дадите ему великий пример братства и дружбы между народами...»

Умберто ТЕРРАЧИНИ, сенатор, деятель итальянского рабочего движения: «Я с удовольствием присоединяюсь к моим юным соотечественникам, чтобы вместе с ними среди сотен знамен фестиваля высоко нести итальянское знамя в доказательство идеалов и достижений на пути братской дружбы и прогресса».

Альберт МАЛЬЦ, американский писатель: «Вы хорошо знаете, какова ваша цель,— это борьба за всеобщий мир и дружбу. Я уверен, что вы знаете также, что от вас зависит ваша судьба — либо вы будете ударными отрядами опустошительной войны, либо вы будете ударными отрядами созидательного мира, либо то, либо другое».

ФЕСТИВАЛЯ

ХРОНИКА ФЕСТИВАЛЯ. ● Газета «Фестиваль» подсчитала, что если кто-нибудь захочет побывать на всех мероприятиях праздника молодежи, на всех концертах, выступлениях, встречах делегатов, прогулках, спортивных состязаниях, то, чтобы поспеть всюду, ему потребуется 70 лет.

● Тысячи разноцветных огней вспыхнули на аллеях центрального парка столицы Румынии. Участники, молодежь Бухареста собрались сюда на праздничный карнавал. Звон оркестров, забавные маски, серпантин, мельканье пестрых хороводов... Яркими, ежесекундно меняющимися красками нарисовал карнавал несравненную картину праздника дружбы и радости жизни.

● В зале Атенеум идет конкурс молодежных оркестров. В театре комедии играют пианисты. В национальной студии в программе конкурса национальных инструментов выступает оркестр из Шотландии. Студенты Лондонского политехнического института показали пьесу Бернарда Шоу «Оружие и люди», а в театре «Джульешти» молодые рабочие и служащие парижских заводов поставили пьесу «Голос чародея» о похождениях неунывающего Гавроша. Большой популярностью на фестивале пользуется чехословацкий театр кукол «Спейбл и Гурвинек».

● В спортивных состязаниях приняли участие 4300 человек из 54 стран. 202 советских спортсмена награждены золотыми медалями, 72 — серебряными, 59 — бронзовыми.

МОСКВА. 1985.

БУДАПЕШТ. «Еще в мае этого года,— сообщил корреспонденту «Ровесника» заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК Венгерского коммунистического союза молодежи Ласло Тунеги,— в стране был создан Национальный подготовительный комитет, принявший обращение к молодежи, в котором призвал ее приложить все силы, знания и умения для воплощения в жизнь благородных идей Московского фестиваля, его позунга «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». В программу подготовки к XII Всемирному,— сказал товарищ Тунеги,— включены самые различные мероприятия. Например, по предложению комсомольцев Кечкеметского сельхозобъединения мы планируем провести конкурс на лучшего молодого полевода, его победители войдут в состав нашей делегации на фестивале в Москве. Комсомольцы швейной фабрики из области Бекеш вызвались во внерабочее время сшить фестивальную форму. По инициативе студентов готовится общенациональный телеконкурс «Политическое, экономическое и социальное развитие Венгрии за 40 лет». Навстречу Московскому фестивалю пройдут фестивали в городах и районных центрах, а затем и общенациональный. По предложению ветеранов фестивального движения в Доме советской науки и культуры в Будапеште встретятся венгерские участники фестиваля 1957 года в Москве и наша делегация на XII Всемирный... Сейчас вся республика готовится к 40-летию освобождения страны Советской Армией. Дни освобождения каждой области мы отметим обменом делегациями с областями-побратимами в Советском Союзе. В мае 1985 года мы проведем месячник мира и дружбы, в котором самое активное участие примут члены венгерской делегации на фестивале в Москве».

ТЫ ГОВОРИ СО МНОЙ ОБО ВСЁМ!

Нина ЧУГУНОВА,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наши специальные
корреспонденты

— Мне надо выяснить, насколько сильна коммунистическая идеология в вас, людях Восточной Европы.

Это сказала нам высокая девочка из Чикаго Лиз Кирквуд. Она шла по зеленой лужайке подмосковного пионерского лагеря. Экзамены для участников олимпиады начинались завтра. Сегодня триста пятьдесят гостей разбрелись по лагерю, и тесно не стало — вот какой это был лагерь! Отовсюду кричали хозяева: тут у нас игротека, а там живой уголок, пойдемте, там зайчики. И зайчиков дали подержать. Они теплые, как шапки. Малыш Винь из Вьетнама даже взвизгнул, дотронувшись, а зайчик поставил уши прямо: что случилось? День был прекрасный, несмотря на то, что вообще-то сюда надо приезжать, пока ты пионер, а не гость на этом празднике.

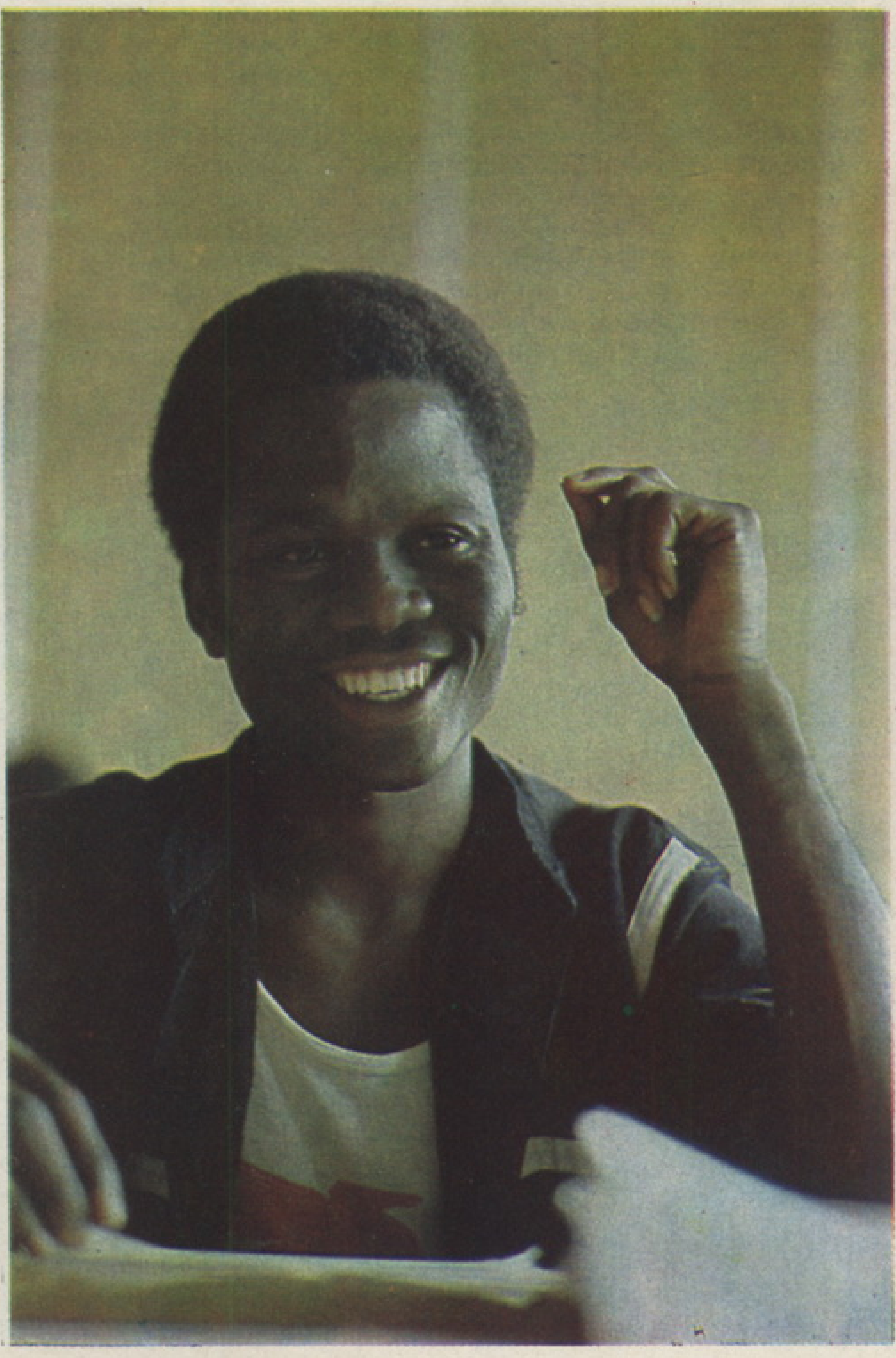
Лиз — семнадцатилетняя безмятежная американка. Она шла рядом с Робертом Андерсоном из Вашингтона — оба одного возраста и роста, румяные и белые, как булки. Роберт кивнул, услышав про идеологию. Лиз сказала:

— Нет, они не чистые листы бумаги. Кое-что они знают. Могут ли русские начать войну? Это, например.

— Могут?

— О да!

Они уходили от нас, покачивая длинными спинами, как деревья могучими и молодыми стволами. Вежливые и взрослые ребята. Они смотрели вокруг, как врач смотрит, делая обход больницы. Здесь все, кто не пионер, казались взрослыми. Мы это поняли, когда увидели Лавсона Ламе из Того. Лавсон был просто каланча. Кругом орал, прыгал, вопил и заливался пионерский лагерь, первая смена. Мы постояли и пошли дорогой всех — на стадион. Мы догнали задумчивого взрослого человека — руководителя делегации школьников Индии доктора Абхая Морье.

— Происходящее здесь, на олимпиаде, необычайно важно,— сказал доктор Морье.— Дети впечатлительны. Услышанное в детстве превращается потихоньку в понятия, убеждения. Фальшивые или истинные. Как повезет ребенку: что важного произойдет в детстве.

— Вам повезло?

— Мне повезло! Я выходец из деревни, и когда я рос, слышал витающее в воздухе слово «социализм». Тогда был еще жив Неру. Я стал учиться. Моя жизнь началась со слов о дружбе и народном счастье: мне повезло.

— А им? — спросили мы, давая дорогу бегущим на стадион.

— Я надеюсь,— сказал доктор Морье.— Никто не поднимет руку на жизнь!

— Потому что об этом им станут говорить взрослые?

— Нет. Потому что это здесь витает в воздухе. Когда мы получили приглашение на олимпиаду, речь шла всего лишь о пяти участниках от Индии. Но мы стали так просить оргкомитет... и привезли восемнадцать ребят из разных штатов, из отдаленных провинций! В группе есть замечательные ребята. Например, девочка Рами Дехингра. Или мальчик Сапл Бапат, вы его узнаете сразу, на нем национальный головной убор. Они чрезвычайно старательны, способны и добры.

Сапл сидел на первой скамейке перед футбольным полем и слушал своего нового друга — рыжего пионера. Мы сели рядом. Матч начался одновременно с дождем.

А ТЫ!

«У меня есть марки, а у тебя? А советские есть? Хочешь, подарю советские? Что ты, мне не жалко нисколечки. Я вообще нежадный. Я вот думаю, что человек бывает злой не от рождения. Но его кто-то начинает мучить и мучит, и мучит. У него тогда все нервы поднимаются, волосы встают дыбом, и его ничего в злости не остановит...»

Так говорил пионер четвертого класса Артур Саркисян, а Сапл Бапат слушал его. С поля шел мокрый от игры и дождя шотландец Митчел переодеваться. Он сначала выскочил на поле как был, нарядный, в шотландском костюме, а потом ему закричали, да ты сними свой чудесный костюм, бархатный пиджак без единой пылинки! Дождь все шел и шел, Сапл закутался в куртку, и тогда Артур решился и рассказал ему про Ксенофонтова. Про Ксенофонтова и девочку, с которой хотел бы подружиться он, а дружит Ксенофонтов. Ксенофонтов небось давно спросил, как девочку зовут, а он постеснялся. Теперь поздно. Но если бы Ксенофонтов тонул, он бы спас Ксенофонтова. Запросто.

Сапл обнял друга за плечи. Что он мог сказать? Он это проходил. Самые мужественные люди часто стесняются. Тут надо терпеть. Сапл обнял друга: крепись.

Рев самолетов заглушил музыку, под которую танцевала на поле самая красивая девочка, Сильва из Перу. От рева самолетов зеленая трава теряет цвет — замечали? Лина Харбутли из Сирии закрыла глаза.

Ничего страшного. Рядом аэропорт Внуково. Самолет идет на посадку. Это даже интересно. Музыка вернется.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ (Ангус Грей, Великобритания, младшая группа. Тема: «Пишу, о чем хочу».)

«Никогда не будет мира в мире. Потому что человек плохой. Он очень жадный. Он всегда хочет мощность. Человек очень умный, но он потерял ум. Коммунистическая идея — очень хорошая. В коммунистическом мире будет мир, потому что все будут друзья. К сожалению, коммунистический мир невозможен. Великобритания и США не любят СССР, потому что СССР их враг. Но у СССР хорошая идея».

ИЗ СОЧИНЕНИЯ (Асгер Лауритсен, Дания. Тема: «Моя Родина».)

«...Если бы все могли жертвовать собой, как бумажный солдат Окуджавы! Этот солдат шагнул в огонь за нас».

Я — ДОБРЫЙ!

— Какой я человек? — Роберт вскинул выгоревшие брови.— Какой я? Лично я? Ну... я. Я — добрый!

Он покраснел, и брови стали совсем белые. Наутро начались экзамены. Волшебный танец Сильвы в розовых чулочках улетел, как воздушный шар. Коридоры гудели, как стартующие самолеты.

— ...Шолохов очень много работал, он таскал тяжелые камни, но вечерами читал произведения классиков.

Вальдес Эрнандес Мария дель Кармен — белокурая девочка с Кубы — отвечала очень хорошо. Третий вопрос был такой: представить, что Мария — журналист и расспрашивает детей, как они провели лето.

— Вы — дети, — сказала Мария, обращаясь к экзаменаторам.— Здравствуйте, дети. Как вас зовут?

— Лена. Нина,— ответили растерянные экзаменаторы.

— Очень приятно,— сказала Мария,— а меня Борис Павлович.

Экзаменаторы покатились со смеху, но Мария была серьезна.

— Сколько вам лет? — спросила она «Лену» и «Нину».— Ну ладно, можете не говорить настоящий возраст. Тебе будет пять, а тебе — пятнадцать.

— Почему же пять? — обиделась «Лена».— Что же я расскажу!

— Итак, дети, как вы провели лето?

— Ох,— сказала «Нина».— Ты не поверишь, Мария, весь отпуск просидела на даче.

Ой, не так. Я была в пионерском лагере. Мы пели... Играли... Что еще? Забыла!

В коридоре к Марии подбежал Константину Костас с Кипра.

— Нет проблем! — сказала Мария. Она всегда так говорила. У нее всегда все было отлично. Не было проблем.

Никола Лаурэ читала стихотворение Симонова «Жди меня». Она сказала: в нем есть печальная актуальность. За дверью ее ждала расстроенная Марион Каунт. Конечно, она не знала русский так, как Никола. Никола из ГДР всюду ходит с Марион. Может так случиться, что Марион понадобится переводчик: Марион хочет поговорить о смысле жизни. Никола сказала: «Надо просто жить, и все!» «Добрый — кто делает добро»,— сказали Марион, Никола, Мария, и при этом они повторили слово в слово то, что сказал пионер Саркисян в пионерском лагере.

Только Константину Костас сказал немного иначе.

— Добрый человек — кто борется против фашистов,— сказал он.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ (Лоран Моше, Франция. Тема: «В чем состоит красота человека?»)

«Человек красив благодаря своему уму и воображению. Вот Пушкин, трудный роман которого мне понравился от его красоты. Любовь. Кто перед любовью не говорил: это красиво! А я думаю, что человек часто представляет себя некрасивым. Если бы это было безобразие лиц, и то было бы серьезно, а мы каждый день встречаем на улице, даже дома безобразие души, злость, порок во всех его сторонах! Борьба с ними трудна. И самое плохое выражение этих недостатков — война. Я всегда так думаю, когда вижу борьбу между людей, хоть и игру. Солдаты, войдя в город, разрушают все (здания, жизнь). Один **солдат** убил спокойно **Архимеда**».

ЭВКА

«Знаете, я поняла смысл жизни человека! Надо добиться того, чтобы иметь право посмотреть самому себе в глаза. Тогда ты чист. Я знаю: надо быть скромным, любознательным, гордиться своей родиной и совершенствоваться. Если бы мне встретился самый умный человек на свете, я задала бы ему сто вопросов. Например, что такое чувства добрые?»

Через день ей вручили золотую медаль. Эвка Щепаньковска из ПНР пошла в магазин и купила шампанского. Домой.

НИЧЕГО СЕРЬЕЗНОГО!

«Я Анджело Соллано, я из Генуи. Мне нравится ваш писатель Гоголь. Он такой веселый! Пушкин грустный. Его «Капитанская дочь» несовременная вещь. Сейчас ведь нет такой проблемы, как ожидание любимого в разлуке от войны. О чем я думаю здесь? О маме. Моя мама, моя Италия и мои спагетти! — думаю я. Серьезно! И мои спагетти. Честно говоря, вот в такой школе, как эта, я бы учился. Я понимаю, что это не школа. Но школа должна такой быть.

Я хочу все время играть в футбол на улице. Взрослые не могут этого понять. У них нет фантазии! Их жизнь монотонна. Они все время должны работать, работать... И они несправедливы. О, профессор, это мое личное мнение, оно тоже несправедливое. Так мы лучше друг друга поймем. Когда-нибудь настанет черный день, и я стану взрослым. Я готов написать плакат: «Не хочу быть взрослым!» Кто подпишется?»

(Подписались: Роберта, Марилиза, Федерика, Анджело.)

— Все, хватит! Марш обедать! Взрослые умирают от голода! — сказал, расхохотавшись, профессор.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ (Лоран Моше, Франция.)

«...но что принесет красота человеку, если она победит? Счастье? Любовь? Жизнь? Совершенство? Или ревность? Зависть? Надо ответить на этот вопрос».

Последний день был как все последние дни.

Келвин Митчел с золотой медалью, сверкающей на бархате костюма, говорил нам, а софит напекал нам всем затылок:

— Ваша страна прекрасная, мирная. Я никогда не забуду вас. Войны не будет. Теперь я знаю. Война страшна, но ее не будет.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ (Элизабет Кирквуд, США, золотая медаль.)

«Я несовершенна. Моя родина и мои друзья — тоже. Но мы должны стараться. В США нет старой американской культуры. Все американцы иностранцы в своей стране, кроме индейцев. Триста лет в США ввозились рабы из африканских стран. Зная теперь, что это была ужасная ошибка, мы должны понять, что предубеждение очень плохая вещь...»

— Лиз,— сказали мы.— Вы по-прежнему думаете, что «русские могут начать войну»?

— Я?..

Лиз стояла на солнцепеке одна. Полосатое платье Лиз билось, как флаг только что образованного государства. Она была возбуждена и улыбалась.

— Ну что, вы узнали? — спросили мы, потому что хотели это спросить непременно.

— Я не задавала специальных вопросов. Не было времени. Мы все время разговаривали... обо всем. Сегодня я почти не спала. Никто не спал. Мы все разговаривали, спорили обо всем. Мы — ребята из Швеции, Кубы, Болгарии, Вьетнама, Анголы, Франции, Эфиопии... Мне все было интересно.

17 апреля 1945 года военный самолет Ил-2 («штурмовик») 92-го гвардейского полка вылетел на боевое задание. Экипаж состоял из младшего лейтенанта Петра Илларионовича Симака и бортового стрелка сержанта Николая Павловича Протасова. Самолет был подбит в пяти километрах юго-западнее Вышкова. Пилот Симак выпрыгнул с парашютом и 30 апреля вернулся в свою часть. Двадцатилетний сержант Протасов пропал без вести.

Из справки, выданной Центральным архивом Министерства обороны СССР

МЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ИХ ИМЕНА

Соня НОВАКОВА,
чехословацкая журналистка

Началось все с того, что в журнал «Записник», издаваемый Главным политуправлением чехословацкой Народной армии, пришло письмо. Пенсионер из города Литомержица писал, что перед самым концом войны он видел, как был подбит советский самолет недалеко от города Брно. По инициативе журнала была создана поисковая группа З-77 (З — первая буква названия журнала, 77 — год образования группы). С тех пор прошло семь лет, а ее ядро по-прежнему составляют: Владимир Катулан, фотограф, его обязанности в группе — собирать, переснимать, хранить всю документацию по каждому поиску; Властимил Шелдбергер, железнодорожник из города Брно, участвует в раскопках, ищет очевидцев, записывает их свидетельства; Иржи Давид, рабочий из города Вышкова, участвует в раскопках, ведет всю переписку группы; Мирослав Журек, водитель грузовика из города Остравы, ищет очевидцев, записывает их свидетельства, участвует в раскопках; Иржи Клаблена, кандидат технических наук, ведет работу, связанную с применением приборов; Индржих Дребота, репортер журнала «Записник», ответственный за организационную часть поиска. Все свободное время и даже свои отпуска они посвящают общему делу — розыску останков советских летчиков, погибших в боях за освобождение Чехословакии и оставшихся безымянными героями.

На поле сельскохозяйственного кооператива Велке Хостерадки недалеко от дороги в землю вбито несколько деревянных колышков. Это место, где под землей должны быть обломки сбитого в 1944 году советского самолета. Иржи Клаблена проверил все поле с помощью магнитометра, чтобы определить место падения самолета.

Подошел бульдозер, и начались раскопки. В земле видны искореженные листы металла, куски плексигласа, деформированная рация, обрывки электропроводов, но никаких следов второго члена экипажа сержанта Протасова.

Тогда участники раскопок опросили жителей ближайшей деревни, и им удалось найти свидетеля гибели советского воина. Крестьянин Франтишек Клемент рассказал, чему он был очевидцем. «Я видел, как подбили самолет, но подойти к месту его падения было нельзя. Кругом фашисты, они стреляли без предупреждения. Через четыре дня мне все же удалось пробраться. Взрыв был очень сильный, все раскидало в разные стороны. Там лежало тело человека в военной форме, засыпанное землей, а неподалеку мотор. Еще в землю была воткнута лопасть пропеллера, а на ней чернильным карандашом написано что-то. Может быть, имя. Но я не понял, маленький еще был. 12 лет мне было. Да и боялся я долго задерживаться».

Принимается решение — копать на три метра в сторону. По показаниям магнитометра там тоже должны быть какие-то небольшие металлические предметы. На глу-

Те дни, когда вместе с советскими солдатами пришла в Чехословакию свобода, не уйдут из памяти народа. Как не уйдет из его сердца благодарность к памяти каждого павшего освободителя.

бине 20 сантиметров показались останки человека. Потом часть мотора с заводским номером. Номер помог достоверно установить, что найден именно тот самолет, на котором совершали боевой вылет младший лейтенант Симак и сержант Протасов.

Через несколько дней на месте гибели самолета останки сержанта Протасова были преданы торжественному захоронению.

Найденные части самолета погрузили в грузовик и доставили в город Клобоуки, где они стали еще одним экспонатом в Зале традиций краеведческого музея.

Вся работа продолжалась три часа. Но за этими тремя часами пять лет поиска.

Обычный редакционный кабинет — небольшая комната с одним окном. Вдоль стены длинный стол. На нем вместо рукописей, гранок, подготовленных к печати материалов обломок лобового щитка военного самолета, несколько патронов, фотографии, аккуратные папки, в которых хранятся документы уже завершенных и еще продолжающихся поисков. Кабинет принадлежит журналисту Иржи Дреботу.

— Как начался ваш поиск советских летчиков, погибших в боях за освобождение Чехословакии?

— В 1977 году коллега из братиславской «Правды» позвонил и рассказал, что жители словацкого города Коварци своими силами провели раскопки там, где, как помнили люди старшего поколения, погиб советский боевой самолет. Они нашли и обломки самолета, и останки воинов. Торжественно захоронили их. Я попросил коллегу сделать репортаж, его опубликовали в нашем журнале «Записник». Нам стали приходить письма из разных городов Чехословакии, в них очевидцы рассказывали о виденном ими во время войны. Так пришли письма из города Вышкова, люди писали, что еще и сейчас в их районе есть места, где в земле должны быть обломки упавших советских самолетов. Я поехал в командировку в Вышков, там мне посоветовали побывать в соседней деревне, где недавно по инициативе жителей открыт памятник неизвестному советскому летчику. Среди участвовавших в поиске были и ребята из Социалистического союза молодежи. «Старики утверждают,— говорили они мне,— что самолет был советский, а заводское клеймо, которое мы нашли на обломках мотора, английское. Почему так, мы не поняли». Так и я включился в поиск. Два года мы проводили расследование, пока наконец установили, что это был английский самолет «Бостон» с советским экипажем из четырех человек.

Поиск познакомил меня со многими людьми, занимающимися розысками советских воинов-освободителей. Например, с Властимилом Шилдбергером из Брно. С ним мы ездили к тому пруду у Вышкова, возле которого я видел обломки самолета. Приезжаем, а возле пруда гигантская яма. После долгих расспросов разыскали там же, в Вышкове, Иржи Давида, они вместе с братом и Радеком Костелником входят в кружок местных краеведов. Собирают и изучают все сведения о событиях, происходивших в этом районе во время войны. Оказалось, у нас с ними общая цель — воздать должное памяти воинов, павших в борьбе за освобождение Чехословакии.

— Вы разыскиваете только летчиков?

— Это не совсем так. Мы ведь хотим, чтобы не было безымянных героев, хотим установить имя каждого погибшего воина, попытаться разыскать его родных, сообщить им все, что нам удалось узнать о последних минутах их сына, мужа, отца. В нашем поиске мы нередко находим ложки, оружие, пуговицы, гранаты, которые принадлежали погибшим пехотинцам. Но по таким вещам не определишь имя. Вылет же самолета всегда регистрировался, невозвращение на базу тоже всегда отмечалось в документах, известны были имена членов экипажа. Некоторые члены экипажа подбитых самолетов остались живы и могут рассказать о погибших товарищах. Да и местные жители порой до сих пор помнят, где упал самолет, где был сильный взрыв, чаще, правда, не очень-то определенно — двадцать-тридцать километров в таких воспоминаниях вполне вероятный просчет. Вот мы и ходим из дома в дом, расспрашиваем, сопоставляем. Нужно сказать, что все, к кому мы обращаемся с вопросами, всегда и очень охотно помогают нам.

— Помните ли вы самый первый случай, когда вам удалось выяснить имя погибшего героя?

— Да, и случай был исключительный. Самолет вонзился в заболоченную почву, поэтому нам удалось извлечь его почти невредимым, мы нашли документы и письма, которые пилот имел при себе. Таким образом нам сразу же удалось прочесть имя и все сведения о летчике. Ему было 33 года. Советские журналисты (мы с ними очень тесно сотрудничаем) помогли быстро разыскать сына погибшего. И в том же году мы смогли показать ему место гибели отца, которого он никогда не видел. Оказывается, родные этого пилота все годы после войны пытались выяснить, где он погиб, найти его могилу. Они знали только, что он не вернулся с боевого вылета над землей Чехословакии...

Посмотрите, какая получается цепочка: читатели, узнав о людях, которые ищут места, где погибли советские воины, пишут в редакцию о том, что видели во время войны. Наша поисковая группа, если ей сопутствует удача, находит документы, устанавливает имя, советские журналисты помогают найти и установить связь с родными. Когда у людей общая цель и они помогают друг другу, многое можно сделать.

Иногда помогает и случай. Три года назад мы установили имя одного погибшего героя. В этом нашем поиске на последней его стадии участвовал корреспондент «Огонька», который позже написал статью. И вот одна женщина, прочитавшая ее в журнале, ехала поездом по Сибири, смотрела в окно и вдруг увидела указатель с названием деревни, о которой только что прочла,— в ней родился погибший летчик. На первой же остановке она передала журнал встретившемуся ей железнодорожнику и все ему рассказала. Железнодорожник съездил в эту деревню, и оказалось, что там и сейчас живут две сестры погибшего в Чехословакии летчика.

— Ваша поисковая группа полностью добровольная. Кто вам дает машины, бульдозеры, другую технику?

— Когда мы точно устанавливаем место, где упал самолет, мы обращаемся в местные организации: к директору госхоза, председателю сельскохозяйственного кооператива, к руководителю лесной службы или командиру воинской части. Не было случая, чтобы мы получили отказ, только понимание, участие и любую необходимую помощь. Местные жители (мы ведь ведем раскопки только по субботам и воскресеньям), всегда и участвуют и помогают.

За эти прошедшие годы в наш поиск включалось множество новых людей, каждый хочет внести свою долю. Мы все, сегодня живущие, в долгу перед этими парнями: ведь речь идет о молодых ребятах, которым было девятнадцать, двадцать, двадцать пять лет. Они погибли в самом конце войны... Мы ищем героев, которые и не думали о героизме. Они стали ими потому, что была война, они выполняли свой долг, спасая от нее мир. И мы должны знать их имена.

Перевела с чешского
Д. ПРОШУНИНА

Мы, люди со старых фотографий...

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский публицист —
для «Ровесника»

Время бежит, как река, смывает дорогие воспоминания. Мы еще будто прежние, но стоит обернуться назад, к тем далеким годам,— и трудно себя узнать. Я имею в виду не только седые волосы и лишние килограммы. Жизнь оказалась сильней наших грез, часто мы уже с некоторым смущением рассказываем о своем прошлом. Да полно, мы ли те измученные люди со старых снимков, наша ли на них смешная одежда, наши ли горящие глазищи! Наши ли запечатленные на фотографиях винтовки, знамена и лозунги, которые спасли Болгарию!

Иногда, водя пальцем по снимкам, мы вдруг застываем горестно. Только мертвые у нас остались теми же. Они не успели насладиться жизнью, и поэтому все у них сейчас как было прежде. Неизмененное. И глаза, и ружья, и знамена. В отличие от них, мы теперь другие. Иначе и быть не может. Социальная революция преобразила людей: не только их внешность, но и души. Ее великий взрыв стоил дорого. Мертвые заплатили за него своей кровью, а мы, живые,— тревожным чувством неоплаченного долга, ибо мечта всегда красивей действительности...

И все же, если нам придется встать перед судом истории, мы не должны стыдиться. То, что мы создали, гораздо сильнее не сохраненного нами в себе. Важно то, что мы оставили после себя, оставили, несмотря ни на что. А мы, поколение со старых фотографий, чей облик так изменился, оставили драгоценные плоды, дело не просто сложное, а историческое. Дело, спасшее и обновившее Болгарию. Общественный строй, который уверенно ведет наш народ к будущему...

Старых фотографий еще не существовало, когда сотни и тысячи моих товарищей уже встали перед объективом истории. Встали такими, какими выглядели тогда: в смешной одежде и с горящими глазами. Сквозь белые рубашки алели наши сердца. Тогда Девятое сентября не считалось неприсутственным днем. Никто из нас не бродил по комнатам в шлепанцах и не думал, как лучше отдохнуть. Тогда все, кто дорожил Болгарией и Революцией, присутствовали. Это был рабочий день, день великого и веселого труда, выжимавшего из нас все соки, но никого не утомлявшего. Нужно было открыть ворота тюрем, цветами встретить спустившихся с гор партизан, обнять матерей, чьи сыновья остались в живых или погибли, сказать слова утешения вдовам и сиротам, воздать по заслугам убийцам, сменить товарищей, стоящих на посту, произнести первые высокие слова о Свободе. Сейчас какой-нибудь ретроград или мещанин может не поверить, что это была обычная работа, но мы-то отлично знаем: никогда никто не трудился более самоотверженно и бескорыстно. От нашего труда в этот неповторимый присутственный день пошли побеги нового, определившего судьбу нации. И может быть, поэтому мы живем с чувством исполненного долга. Мы отдали частицу себя, причем такую, какую можно отдать лишь однажды. Это не самообман перед зеркалом истории. И не попытка увидеть себя в желаемом виде, просто мы были такими, как нужно.

Когда мы вставали под знамена и лозунги, чтобы сфотографироваться вместе, мы не сознавали, что останемся в памяти потомков. Мы торопились, ерзали нетерпеливо, сердились на фотографов, долго искавших свою «птичку». Нас ждала работа. И вместе с ней нас ожидали многие другие задачи, сегодня называемые «историческими». Ведь не нужно забывать, что в тот девятый сентябрьский день произошел не обыкновенный политический переворот. Пала не просто партия или клика — рухнул целый класс, уповавший на то, что он вечен. Рухнул класс эксплуататоров, класс, породивший фашизм, класс убийц. Это поставило нас перед сложнейшими задачами, и, сами не заметив того, мы из участников революции превратились в апостолов свободы.

Первое, что мы должны были сделать и что сделали,— победили страх. Большой, многоликий социальный страх, сжимавший души людей. В те времена народ боялся всех: министра, сельского старосту, сборщика налогов, полицейского, ростов-

Болгарские

А. КРУШИНСКИЙ,
соб. корр. «Правды» —
для «Ровесника»

1. ДАР

Эта замечательная история началась полвека назад с письма.

«Товарищ Островский! Простите, что Вас беспокою, но другого выхода не нахожу. Дело в том, что я нигде не могу купить Вашу книгу «Как закалялась сталь», а мне ужасно хочется послать ее мужу, который находится в застенках Болгарии...»

Писатель в то время получал огромное множество писем. В 1934 году (когда роман впервые вышел отдельной книгой) их пришло две тысячи, на следующий год еще пять тысяч. И во многих содержалась одна и та же просьба: прислать книгу! Чем отличалось это письмо от тысяч? Но к письму болгарской комсомолки Тани Цырвулановой Островский отнесся с особым вниманием.

Тюремные застенки, гибель друзей, подпольная и партизанская борьба, жертвы и мужество — без всего этого не настал бы 9 сентябрь, день вооруженного восстания, день радостной встречи Советской Армии — освободительницы, первый день народной и свободной Болгарии.

Советский народ еще переживал перипетии Лейпцигского процесса. Георгия Димитрова, победителя в открытой схватке с фашизмом, недавно с триумфом встречала Москва. В самой Болгарии был настоящий фашистский террор, и Островский, конечно, знал о его жертвах. Наверняка он был наслышан

щика, бакалейщика, попа, фельдфебеля, трактирщика, мясника и даже садового сторожа. Измученный, оболганный и ограбленный этими призраками классового ада, народ ждал спасения. И мы спасли его. Страх отступил перед нашим знаменем. Не на день-два — навсегда!

Здесь, в этой первой победе Революции, кроются истоки нашего жизнеощущения. Успокоить народ, вытереть его слезы, уверить его, что он не останется без куска хлеба,— разве может быть что-нибудь важнее этого! Сейчас мы уже знаем, что на одном хлебе не проживешь, но тогда и крохи были символом спасения. Может, поэтому на старых снимках мы выглядели такими честными и чистыми. Сделанное добро не забывается. Действительно, оно осталось далеко, в начале пути, но пути без начала не бывает. Важно, что сейчас, протягивая руку к хлебу, мы знаем, что около нас нет голодных и испуганных, нет слез и проклятий, нет призраков. Да, есть, конечно, неурядицы, слабости, ошибки, но это уже нечто другое. На каждом пути встречаются выбоины и камни, но ведь все идут. И мы тоже идем...

Вслед за страхом мы, люди с фотографий, победили и другие призраки. Многие социальные ужасы, сегодня уже ставшие мифологией. Все еще живы люди, которые помнят межи на полях, разделенные дворы, купленных жен, проданные служебные посты, убитых поэтов, уничтоженные мысли и идеалы, развращенные фантазии.

Вместе со старыми фотографиями история сохранила и наши дела. После нашего славного Девятого сентября никто не убил соседа из-за клочка земли или мошны золота. Жизнь, родившаяся на наших глазах и сохраненная нашими винтовками, принесла другие критерии. В этой жизни не обдванивают, не грабят народ — его просвещают, из него растят хозяина. А это гораздо больше, чем просто освобождение.

Теперь о таких сторонах революции пишут книги, читают лекции. А тогда, когда мы с вдохновением и энтузиазмом делали революционное дело, никто и не задумывался над тем, какой след мы оставим после себя. Мы были самыми обыкновенными исполнителями революционного дела и не знали, что когда-нибудь нас будут разглядывать так пристально. Не подозревали, что наши человеческие слабости будут смущать больше, чем слабости других. Просто мы были людьми. Но нынешнее поколение придерживается другого мнения. Оно берет в руки старые фотографии и сверяет нас с ними. Для него мы — глава из учебника, доклада, поэмы, куплет из песни. Что-то такое дорогое и интересное, на чем можно себя воспитывать. Вот почему молодежь не только любопытна к нам, но и взыскательна. И она, конечно, права...

Часто нам задают вопросы, смущающие нас. Спрашивают: «Почему вы не остались такими, какими были!» — и смотрят строго. В большинстве случаев мы в ответ молчим растерянно, но самые вспыльчивые ввязываются в спор. Почему мы не остались теми же! Так невозможно же всю жизнь быть фотографией! Да и как тут сохраниться прежним, если все вокруг тебя изменилось до неузнаваемости! В древности любили повторять, что человек никогда не может дважды войти в одну и ту же реку. Река течет, она всегда различна.

Но, независимо ни от чего, мы сохранили живым источник, из которого родилась наша река. Чистый снег идей не растаял. И это самое важное. Вот почему как сегодня, так и завтра мы будем нужны. Даже в нашем нынешнем облике, отличном от старых снимков, мы необходимы, как и персонажи этих фотографий. В отличие от человека его дела не выцветают, не остывают, не разочаровывают, не теряют себя по частице. Они как пирамиды. Созданные однажды, остаются навсегда. Вот почему, хотя мы иногда и не можем себя узнать, история нас узнает. Если она хочет быть точной и справедливой, она не может обойтись без нас.

И пусть никто не обвинит нас в излишней самонадеянности. Мы просто необходимы истории... Мы, люди того святого сентябрьского дня, люди, смешная одежда и горящие глаза которых останутся навсегда на снимках времени!

Перевод И. ПАНОВОЙ

40 ЛЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ
ДЕНЬ СВОБОДЫ

корчагинцы

о книге Анри Барбюса «Палачи», в которой рассказывалось о зверствах, учиненных там в сентябре 1923-го и в апреле 1925 года. Одной из жертв белого террора был отец Тани. «Иено Цырвуланов — деятель БКП и революционного профсоюзного движения,— есть краткая справка.— Будучи студентом медицины в Швейцарии, вступил в связь с русской революционной эмиграцией, стал изучать марксизм. Активно сотрудничал с журналом «Ново време», газетой «Работнически вестник»... Убит в Дирекции полиции во время апрельских событий 1925 года».

Книга с собственноручным автографом Островского пришла по почте через неделю.

Читатель! Историю о книге «Как закалялась сталь», попавшей к болгарским политзаключенным, я рассказал в свое время в «Правде». Но многие подробности ее и документы обнаружены недавно...

Т. Цырвуланова — Н. Островскому.

Москва, 16 января 1936 года

«Тов. Островский! Я получила Вашу книгу. Бесконечно Вам благодарна за внимание.

Книгу уже послала товарищам, и уверена, что они Вас лично поблагодарят, хотя это будет и не особенно скоро».

И Островский действительно получил письмо от... политзаключенных из Стара-Загоры, одного из городов южной Болгарии, который в 1877 году прославился героическим сражением русских воинов и болгар-ополченцев за Самарское знамя с превосходящими силами турок. А позднее он же стал печально известен своей тюрьмой, в которой фашистские власти держали революционеров.

Г. Огнянов—Н. Островскому.
Стара-загорская тюрьма,
22 мая 1936 года

«Товарищ Островский! После долгих мытарств Ваш подарок — 1 экземпляр Вашей книги «Как закалялась сталь» — наконец, в наших руках. Уже двое из нас ее прочли, а предстоит прочесть всем 250 политзаключенным, находящимся в этой тюрьме. Сделаем все возможное, чтобы мы все ее прочитали в самый короткий срок. Те товарищи, которые знают русский язык, прочтут ее в оригинале, а для остальных переведем ее на болгарский... Я в восторге от книги, а товарищ, который ее читает сейчас, не отрывается ни на момент... Но мы используем ее и в практической своей деятельности, в своей политико-просветительной работе, на которую в последнее время обращаем самое большое внимание...»

К тексту было приложено несколько рисунков без подписи с изображением тюремного корпуса, камеры (некоторые репродукции этих рисунков вы видите на снимке рядом с заголовком.— *Ред.*), карандашные наброски узников. Первые исследователи решили, что автор письма и автор рисунков одно и то же лицо, а изображение Огнянова стало фигурировать как «автопортрет».

Итак, я ехал в Болгарию, имея лишь некоторое представление о всей этой истории. В одном журнале прочел воспоминания Ивана Маринского, бывшего узника, занимавшегося переводом романа в тюрьме. В газетах «Отечествен фронт», «Поглед» обнаружил сведения о том, что текст перевода был размножен в нескольких экземплярах. В глаза, однако, бросались отдельные противоречия в именах, датах, требовавшие уточнения.

Первое, в чем я убедился в ходе своего поиска, что образ Павки Корчагина действительно сыграл огромную роль в жизни целого поколения болгар. Листая подшивку «Работническо дело» за первые недели народной власти, среди сообщений о первом субботнике по расчистке софийских улиц, о процессах над фашистскими палачами и о витаминах болгарским детям, присланных из СССР, я обнаружил в номере от 21 октября 1944 года такое сообщение: только что образованное партийное издательство БКП намерено без промедления отпечатать роман «Как закалялась сталь».

Книгу пришлось выпускать вновь и вновь: с 1944-го по 1979 год «Как закалялась сталь» выдержала 21 издание при огромном для Болгарии общем тираже около 650 тысяч экземпляров. А началось ведь с тех нескольких экземпляров, что в перечень переизданий не вошли — плоды «издательской деятельности» стара-загорского застенка!

Георгий Димитров-Гошкин — видный болгарский публицист, член ЦК БКП, председатель болгарского Комитета защиты мира. Он, как оказалось, находился в одной камере с Маринским.

— Помнится, когда он работал, моя задача была — стоять у двери, прислушиваться к шагам в коридоре и загораживать «шпионку» — глазок, через который тюремщики следили за узниками,— сказал он мне.— Не дожидаясь конца, перевод передавали в другие камеры по частям. Судьба каждого из нас во многом совпадала с судьбой Павки. Впоследствии многие болгарские партизаны брали себе псевдоним Павка.

— Жив ли еще кто-нибудь из ваших тогдашних сотоварищей по тюрьме? — спросил я Димитрова-Гошкина.

— Позвоните по этому номеру генерал-майору Тодору Дачеву.

Генерал, тогда 18-летний революционер, был в числе переписчиков.

— Это, можно сказать, был «египетский труд»,— рассказал мне Дачев.— Ведь писать надо было печатными буквами, чтобы читалось легче и чтобы по почерку не раскрыли секрет «типографии». Всего, насколько я помню, было сделано три экземпляра. Лично я переписал страниц этак 30—40, всего же этим занималось свыше десятка человек. Можно сказать, что политическая жизнь романа Островского в Болгарии началась именно с застенков Стара-Загоры...

Тодор Дачев назвал мне еще нескольких участников перевода и переписки книги — Васила Терзиева, Янчо Костова, Бориса Копчева. Так мне по цепочке посчастливилось добраться до многих действующих лиц всей истории...

В просторной квартире, выходящей окнами на Русский бульвар, меня приняли... Таня Цырвуланова и Борис Копчев, ее супруг. Это ради него она обратилась в далеком 1935 году с просьбой к писателю.

— Роман я с огромным волнением читала еще в журнале «Молодая гвардия», где он печатался с продолжением,— рассказала Цырвуланова.— И еще тогда решила: как только он выйдет отдельной книгой, непременно пошлю его в Болгарию Борису.

— В одной из записок Тани было: «Готовлю большую радость»,— подтвердил Копчев.

Копчев, тогдашний секретарь подпольной партячейки стара-загорских узников, организовал перевод и переписку книги.

Это была хорошо организованная партячейка. Здесь была налажена систематическая политучеба, отмечались все революционные праздники, даже выпускалась подпольная стенгазета «Тюремная борьба». Вот блестящий пример конспирации: ячейка поддерживала регулярную связь с Центральным Комитетом партии и даже с руководством Коминтерна!

Один из узников, Йордан Илчев, томившийся в тюрьме с 1924 года, был искусным столяром, и тюремное начальство использовало его для изготовления и ремонта мебели, предоставив некоторую свободу передвижения. Он-то и устроил хитроумные тайники по камерам — в ножках столов, в табуретках, смастерил и корзину с двойным дном «для передач»: вместе с хлебом, брынзой, помидорами к заключенным попадали и различные документы, инструкции, даже художественная литература.

Книгу Островского из Софии в Стара-Загору доставила Василка Думкова — жена одного из заключенных, выполнявшая роль связной между ЦК партии и тюрьмой. Перевод на болгарский язык осуществлялся коллективно: руководство партячейки привлекло к этой ответственной работе всех, кто сносно владел русским,— Ивана Маринского, Георгия Огнянова, Петко Маналова, не говоря уже о самом Копчеве.

— Но самое важное во всей этой истории то, какую роль сыграл Павка Корчагин в нашей политической работе, в духовном развитии узников,— говорит Борис Копчев.— Большинство из нас были молодые люди, иные попали в тюрьму более или менее случайно, скорей за сочувствие революции, нежели за непосредственное в ней участие. Режим был тяжелейший: питание впроголодь, за любой протест — истязания, карцер. Тюремщики ставили своей задачей сломить нас морально. Николай Островский стал нашим активнейшим помощником. Он словно лично был среди нас...

Еще письмо: его автор, секретарь стара-загорского окружкома партии Петко Маналов, один из переводчиков «Как закалялась сталь» на болгарский язык: русским он владел достаточно хорошо, ибо перед этим несколько лет прожил в эмиграции в Москве.

П. Маналов —
жене и дочерям.
Стара-загорская тюрьма,
26 февраля 1937 года

«Мои дорогие! Когда получите это мое последнее письмо, вашего любящего друга и отца уже не будет в живых...

Вот уже 19 лет все мои действия диктовались одним-единственным устремлением — принести пользу делу рабочих. Знайте, что до последнего дыхания я буду думать о вас, о страшной, но славной классовой борьбе и о великом социалистическом строительстве. Для этого я жил, и за это фашисты меня убивают, но, умирая, я радуюсь, что дело будет жить, развиваться и крепнуть. Мысленно я крепко прижимаю вас к своей груди и горячо целую. Желаю и на будущее вам здоровья и успеха в борьбе с классовыми врагами».

По свидетельству Копчева, в ночь перед казнью Маналов и еще двое узников — Христо Курдов и Коста Дзингов — говорили о Павке Корчагине. Утром в ответ на традиционный вопрос прокурора о «последнем желании» Маналов воскликнул: «Да здравствует пролетарская революция!», и сам выбил из-под себя бочонок.

Сам Копчев, сумевший бежать из концлагеря, куда был позднее перемещен, стал одним из руководителей партизанского движения. Фашистский суд трижды приговаривал его к смертной казни заочно, ибо Копчев был неуловим. Через много лет, выходя в отставку, он имел звание генерал-полковника.

— Как настоящие корчагинцы пали в 1944 году три моих брата-партизана — Златко, Асен и Борис. Им по выходе из тюрьмы я дал прочитать роман Островского, один экземпляр которого вынес на волю. Образ Павки во многом способствовал их становлению как революционеров,— рассказывает скульптор Крум Дерменджиев, еще один участник этой истории.

«Преступление» Дерменджиева (а именно он, тогда 18-летний, был автором рисунков, присланных Николаю Островскому) и еще сорока его сверстников, проходивших по тому же процессу, состояло в том, что, «зная предназначение, цель и методы нелегальной БКП, не только сознательно и добровольно вступили в члены ее отделения, но и участвовали в различных тайных собраниях, продавали фондовые марки, собирали членские взносы».

К Дерменджиеву вполне подходило определение Копчева о молодых людях, попавших в застенки «более или менее случайно». А последствия — пять лет строгого тюремного заключения и штраф в размере ста тысяч левов! Непомерная жестокость должна была, по мнению фашистских властей, навек отбить у молодежи стремление к отпору. Но у этой молодежи был пример — такие, как Корчагин...

Стать корчагинцем для Дерменджиева означало для начала с огромным риском переписывать роман «Как закалялась сталь». После выхода из застенков стать пламенным пропагандистом его идей. Вновь оказаться в заточении. Потом, после освобождения в сентябре 1944 года, с отличием окончить Художественную академию и верно служить делу социализма своим искусством.

2. ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Л. А. Тишецкая — К. Дерменджиеву. Шепетовка, 9 апреля 1980 года

«К Вам обращаются сотрудники республиканского комсомольского музея Н. А. Островского. Мы узнали о Вашем творчестве из газет, журналов, и нам хотелось бы познакомиться с Вами поближе.

Раздел экспозиции «Н. Островский за рубежом» у нас представлен многими материалами: книгами, письмами, фотографиями. Напишите и Вы о своем творчестве, о пребывании в стара-загорской тюрьме, об изваянном Вами бюсте Островского. Где он сейчас находится, можно ли его приобрести, какова стоимость?»

Л. И. Лежнева — К. Дерменджиеву, Село Краснолесье, 4 марта 1982 года

«22 апреля, в день рождения Ленина, мы будем открывать после реконструкции музей Николая Островского в нашей школе-интернате. Будут гости из других городов. Очень хотелось бы организовать выставку Ваших работ».

Дерменджиев купил билет в Киев и начал подбирать рисунки, репродукции, фотографии для своей выставки: устроить ее именно в день Ленинского юбилея было для него делом чести. В двадцать килограммов багажа, положенных авиапассажиру, умудрился вместить гипсовый бюст Островского в подарок школьному музею. А некоторое время спустя в Софийский корпункт «Правды» стали поступать письма.

К. Дерменджиев. Шепетовка, 29 апреля 1982 года

«Не могу выразить словами волнение, которое я испытал, еще подъезжая к Шепетовке. Восхищение вызывает и сам музей — оригинальное современное здание, превосходное в архитектурном отношении. Экспозиция исключительно интересна и богата.

Здесь я попал на Корчагинские чтения, проводившиеся в честь 50-летия выхода в свет романа «Как закалялась сталь». Съехались представители музеев, корчагинских коллективов, люди, знавшие Островского. Приехали ветераны войны, которые с книгой «Как закалялась сталь» шли в бой. Одна такая книга, обагренная кровью, представлена в экспозиции музея. Другую на моих глазах пожилой украинец торжественно вручил директору музея. Ветеран Отечественной войны М. С. Аксенов, чтобы присутствовать на чтениях, проделал долгий путь из уральского города Ирбита. Глубоко растрогал меня его рассказ. Оказывается, там была запущенная улочка. Но вот ей дали имя Николая Островского, и тогда почитатели романа стали собираться в свободное от работы время, чтобы привести ее в порядок, благоустроить. Меня это так взволновало, что торжественно пообещал внести в это благородное дело свой собственный вклад: подарить Ирбиту бюст Островского.

Очень сильное впечатление произвел на меня шепетовский художник Борис Некрасов. Бывший партизан, инвалид Отечественной войны, он рисует вопреки тому, что прострелена рука, преподает в детской художественной школе. Он выступал на открытии моей выставки. Какие это были слова!

В заключение еще один волнующий факт: я удостоен звания почетного члена комсомольско-молодежного Корчагинского коллектива Шепетовского депо».

К. Дерменджиев. Село Боярка, 5 мая 1982 года

«Здесь тоже есть прекрасный музей Островского, размещенный в том самом доме, где жили комсомольцы, строившие узкоколейку. За три недели столько волнующих впечатлений, столько удивительных встреч, знакомств! А сколько мне вручили разнообразных сувениров! Вещественные свидетельства болгаро-советской дружбы, они найдут свое место в доме-музее братьев Дерменджиевых в Благоевграде, трех героев, о которых в Болгарии сложены песни. Впрочем, описывать все в письме уже нет смысла. Завтра вылетаю в Софию. До встречи!»

В Софию он вернулся словно бы помолодевшим.

Сколько новых хлопот добавилось после его поездки к Павлу Корчагину! Тут и оформление документов на пересылку обещанного бюста в Ирбит, и организация клуба детей — почитателей Островского по примеру «Павкиной школы» в Краснолесье, и заботы об издании книги Н. П. Новикова об Островском, и ведение воистину необъятной переписки.

Лариса Ратич — К. Дерменджиеву. Шепетовка, 15 июня 1982 года

«Вспоминаем Вас каждый день, потому что сейчас каникулы... Мне, как только завершились Корчагинские чтения, пришлось ехать в командировку в составе лекторской группы агитпоезда ЦК ЛКСМ Украины. Прочитала 12 лекций, в которых много места уделила рассказу о Вашей судьбе».

В. Н. Ковальчук — К. Дерменджиеву. Село Вилия, 20 июля 1982 года

«Огромное спасибо за письмо, за помощь, оказанную нашему музею Н. Островского. Благодарим за книгу о Вашей трудовой деятельности, она заняла почетное место в экспозиции».

В объемистом саквояже, где Дерменджиев хранит свою переписку, особняком лежат письма со штемпелем харьковского почтамта от друга Николая Островского — Николая Петровича Новикова. Ими Дерменджиев чрезвычайно дорожит. Процитирую лишь один отрывок из этих писем.

«Дорогой Крум! Поздравляю с днем рождения Николая Островского. Считаю, что Вы породнились с ним, и его день рождения — такой же праздник для Вас, как и для меня...»

История эта не завершилась. Конечно, ведь ее нельзя завершить, она — вечная эстафета памяти.

София, 1980—1984 годы

Эта история, как и все невыдуманное, непроста. А она не выдумана. И, быть может, поэтому в ней не все сходится, как должно бы сходиться, когда вымысел «исправляет» противоречия жизни, а формальная логика увязывает в последовательную цепь поступки и помыслы вымышленного персонажа.

Франкфурт-на-Майне

Танечка, родная моя, здравствуй! Видишь, как часто я стал тебе писать. Это уже третье письмо на этой неделе. Я немного волнуюсь, как ты восприняла мое последнее письмо и новости, что я, оказывается, нигде не работаю. Наверно, это нехорошо, что я беспокоюсь, я должен больше верить в тебя, но все-таки нет-нет да и подумаю: как-то Танечка прочтет мое письмо? Ты мне напиши сразу, как получишь его, ладно? И еще по телефону скажи что-нибудь хорошее и ласковое. Правда, сама посмотри, в каком положении я находился. Ведь если бы я сказал тебе все как есть, то тогда неправду родителям пришлось бы говорить тебе. Я тогда очень переживал, а потом решил сказать тебе, что я работаю. Но вообще-то мне кажется, ты и так должна была почувствовать что-то неладное по моим письмам и телефонным звонкам и догадаться, как обстоят дела в действительности. Догадалась? Или нет? Ведь, наверно, тебе должно было показаться странным, что я так мало пишу о своей работе, вообще о своей жизни, о быте. А еще мне хочется тебе немного пожаловаться: в моей жизни здесь много грустного. Я здесь ужасно одинок. То есть знакомых у меня довольно много, но все эти знакомства остаются чисто формальными. Когда встречаюсь, здороваюсь, вот и все. И вот еще что странно: насколько в России люди ко мне относились в общем хорошо и открыто, настолько здесь — настороженно и часто недоброжелательно. Да и не только ко мне. Здесь вообще гораздо больше холода и недоброжелательности в отношениях между людьми. А вообще-то я думаю переехать в Мюнхен или в Западный Берлин — не знаю, знаю только, что во Франкфурте не останусь. А пока дни у меня проходят так: встаю и либо еду в эту контору, где я подрабатываю, или когда там моя помощь не нужна, или когда у меня другие планы, остаюсь дома, читаю, гуляю. Очень редко езжу куда-нибудь в гости, в общем-то не к кому. Одни мои хорошие знакомые живут в Бохуме. Другие — в Париже. Третьи — в Италии. Вот, Танюша, то ли дело — на Сретенке, на Юго-Западной, в Текстильщиках. Да и знакомства здешние — почти всегда совсем не то, что друзья в Москве. Я тебя раньше щадил, не писал тебе всей правды. Конечно, когда приедешь ты с Витюшкой, будет легче, да и знакомств потом прибавится, но все-таки мы будем все очень скучать по России.

Ну вот, я тебя, наверно, совсем расстроил. Но, правда, не думай, что все уж так ужасно. Ведь никогда не бывает только плохо.

А что нового в Москве? Наверное, совсем весна? Здесь она в самом разгаре, а сегодня день совсем как у нас в мае, люди ходят без пальто и даже без плаща. Я вот сейчас допишу письмо и пойду гулять в лес, он совсем недалеко от моего дома. По дороге загляну на почту, вдруг она открыта, хотя вряд ли, ведь сегодня воскресенье. Отправлю завтра утром.

А возвращаясь к тому, о чем я тебе писал на предыдущей странице,— знаешь, какая у меня была мысль, да и сейчас нет-нет да и появляется? Пробраться к тебе нелегально и так жить. Конечно, это совсем сумасшедший план, так что можешь себе представить, как мне бывает здесь плохо, если у меня появляются такие мысли.

Танечка, а вот и самое главное, что я тебе хочу написать: я тебя очень люблю. Ты мне часто снишься, я все время думаю о тебе, о том, как мы встретимся. Как будем жить, растить Витюшку. Мне кажется, малыш, мы с тобой очень скоро увидимся, ты не грусти, все будет хорошо. Вообще я перечитал сейчас свое письмо и вижу, что все получилось уж слишком мрачно — не так, как на самом деле. Все-таки, помимо знакомых, у меня есть здесь еще почти друг. Почти, потому что мы очень мало времени знакомы. Знаешь, кто это? Одна пожилая женщина, у нее уже внуки. Я, кажется, писал тебе о ней и о ее семье. А мои друзья в Бохуме очень хорошие, это муж и жена нашего возраста, у них маленькая дочка. Они все время приглашают меня к себе, а когда ты приедешь, то нас втроем. У них собственный большой трехэтажный дом (то есть не у них, а у его родителей), так что места много. Она русская, а он немец, но очень хорошо говорит по-русски, он учился в Москве, и теперь он учитель русского языка в гимназии. Они приглашают нас к себе вообще жить. А потом, со временем, появятся и другие друзья, так что мы здесь не будем одиноки, не думай. А в Мюнхене вообще русских больше. Можно будет переехать туда. Ничего, все со временем устроится.

Вот, пожаловался я тебе, и самому легче стало. Не вешай носа! Я очень люблю тебя и Витю, очень жду вас. Хоть бы вы приехали поскорей! Целую вас крепко-крепко и обнимаю. Передай большой привет твоим родителям и всем друзьям. Как там мой папа? Неужели совсем тебе не звонит? Передай ему, что я его помню, люблю и нежно целую. То же скажи и маме, бабушке.

Но больше всего люблю и нежней всего целую — угадай кого?! Тебя, моя любимая, и Витюшку.

Пиши! А то я теперь пишу гораздо чаще тебя. Скоро напишу еще.

Антон

Париж

Мой милый, родной малыш!

Сегодня — пятница, позавчера ты звонила и не застала меня. Я пришел минут через 15 после звонка. У меня, знаешь, прямо сердце упало, когда я пришел и мне сказали, что ты уже позвонила. Ведь обычно ты не звонишь раньше 11 утра. В воскресенье приду пораньше.

Танюша, моя родная, слушай внимательно. Я очень хочу вернуться. Ты уж столько перенесла и столько выдержала из-за меня, я никогда этого не забуду, и как я раньше не понимал этого! Малыш мой, я знаю, как заманчиво: приехать в Париж, жить на Западе, но это только оттуда, из России. Весь романтический флер исчезает

письмах

В данном случае персонаж не вымышленный (изменено только его имя, чтобы не тревожить понапрасну близких и родных), и судьба его, запутанная, нелепая и несчастная, изложенная им самим в письмах жене (теперь уже бывшей), вызывает чувства жалости и осуждения. Но в совмещении этих чувств нет противоречия, как может показаться на первый взгляд. Потому что жалость вызвана не сочувствием, а презрением к человеку, не сумевшему преодолеть собственный эгоизм, готовому заплатить любую немыслимую цену за собственное благополучие и именно поэтому потерявшему все — Родину, семью и в конечном счете себя самого.

сразу, и остается только одно: желание вернуться в Россию, услышать русский язык на улицах, встретиться с родными. Ведь здесь даже русские говорят не на настоящем русском языке, у них чужие интонации, неправильные фразы — это даже у тех, которые живут здесь всего несколько лет!

Я здесь совершенно одинок, хотя знакомых у меня много. Это для меня что-то невероятное: ты ведь знаешь, что я благожелателен ко всем и довольно быстро сходился с людьми. Танюша моя, ужасно скучаю! Хочется пойти пешком через все границы к тебе. Очень хочется поговорить с тобой, объяснить тебе все, моя родная,— письмо этого не заменит.

В Париже холодно, все время дождь, вчера была гроза. До сих пор хожу в свитере и куртке, как уезжал из дома.

Все мои знакомые какие-то равнодушные, холодные. Среди бывших русских много раздоров, сплетен, осуждения друг друга. Да что там говорить! Всего не опишешь. В общем, тяжело.

Ну, пока все. Целую тебя крепко-крепко.

Антон

Париж

Танечка, моя любимая, здравствуй!

Начал писать тебе большущее письмо еще 23 июня, потом закрутился со всякими делами и — не сердись! — только теперь сажусь снова. Вчера мы с тобой разговаривали. Мне всегда после твоего звонка становилось легче, я весь день жил, а после вчерашнего в первый раз стало очень тяжело на душе. Конечно, ты имеешь право меня упрекать, моя девочка, и все-таки очень обидно. Ведь если и ты перестанешь меня понимать, мне станет совсем одиноко. Танечка, ведь ты — самый близкий и родной для меня человек, ну, пожалуйста, постарайся меня понять, ведь ты же знаешь, как я хотел уехать, просто рвался на Запад и все-таки хочу вернуться. Здесь задыхаешься — буквально. Вот сейчас утро. Мне абсолютно не с кем встретиться и некуда пойти. Не с кем поговорить — хотя бы просто, как с добрым знакомым, не говоря уж — как с другом. Конечно, не в разговорах и встречах смысл жизни. Но если это повторяется день за днем, месяц за месяцем — а впереди годы и годы,— становится жутко. Здесь совсем иной тип сознания. Не такой, как у нас. Тут одна моя знакомая переезжала и должна была одна перетаскивать тяжеленные коробки с книгами. Я, конечно, предложил ей помочь (и помог на следующий день). Она очень удивилась — я не шучу! — и сказала: «Сразу видно, что вы недавно из России». Это именно другой тип сознания, даже у русских, которые здесь долго живут и приняли Запад внутренне. Приняв же этот образ жизни внутренне, они соответственно и изменились. Когда я спрашиваю у них, не скучаете ли по России, на меня смотрят как на идиота. Потом спрашивают подозрительно: а ты что, скучаешь? И это те люди, которые на страницах здешних газет и журналов так «болеют» за судьбы России. Мне от этого просто жутко становится. Конечно, если бы мы были такими же — по отношению к миру, по взглядам, как они,— нам надо было бы жить здесь. О себе я говорить не буду. Но я знаю, какая ты у меня чуткая и добрая, как ты ценишь дружбу и общение с близкими людьми. Ты здесь просто задохнешься, будешь страдать каждый день и через неделю будешь рваться назад.

Не знаю, по-моему, ты почему-то не то что не веришь тому, о чем я тебе пишу, но не можешь осознать это до конца. Впрочем, я это понимаю. Может быть, я бы на твоем месте, то есть без опыта здешней жизни, относился к моим письмам так же.

Ты спрашиваешь насчет демонстрации тех, кто хочет вернуться. Сказали мне это вовсе не в посольстве, а в Вене, на третий день после моего приезда, когда я и не думал о возвращении, и сказали люди, такие же, как я, совершенно не собиравшиеся возвращаться. Разве так важно, была эта демонстрация на самом деле или нет? Ты меня уже в третий раз о ней спрашиваешь. Может быть, и не было демонстрации — не это важно. Мне сказали — ну, я поверил — именно потому, что это непринципиально. Сказали, кстати, в присутствии одного очень несчастного человека, который — буквально! — бежал из Израиля и живет, попросту говоря, на нелегальном положении в Вене. Ни одна страна его не принимает на жительство. Таких я встречал — и их очень много! — и в Риме, есть и в Париже.

Я очень хорошо понимаю тебя, когда ты пишешь, что не любишь приходить на Лермонтовскую. Да, то, как мы жили раньше, ушло, и ушло навсегда. Как здорово было! Подумай, ведь с того времени — шесть лет! Нам было тогда по 19 лет!

Танюша, моя родная, как все-таки хорошо было, правда?

Ты знаешь, у меня предчувствие, что мы скоро встретимся, и встретимся в Москве.

Ну, что тебе еще написать? Конечно, Париж не Брянск, хотя, объездив пол-Европы, я начинаю думать, что все места на земле более или менее одинаковы и что нашему уму и сердцу говорят гораздо больше другие вещи, не имеющие отношения к географии. Я никогда не думал, что останусь в общем-то совершенно равнодушным, стоя перед Нотр-Дамом или Триумфальной аркой. Ты, может быть, подумаешь (впрочем, нет, ты — нет!), что тут говорит снобизм человека, уже видевшего все это и поэтому позволяющего себе смотреть свысока на все виденное. Но это совсем не так.

Что еще? Да, стихи. Так вот, стихи мои здесь никому не нужны, понимаешь? Ни-кому. Ни сейчас, ни через год,

ни через двадцать лет. Как бы это объяснить? Напечатают, прочтут, даже понравится все, забудут, тут же заговорят на другую тему. И это не от невежливости, а: ну, представь, к тебе пришел коллекционер бабочек. Ну, что? Ты посмотрела бы, тебе бы понравилось, красивые бабочки, ты бы их похвалила, но, конечно, через пять минут забыла бы о них и говорила бы о другом. Поэтому для меня естественно, как дыхание,— вернуться! Это идет не от интеллигентской томности: ах, Россия, не от тоски даже: это именно — чтобы жить, надо дышать, чтобы дышать — надо вернуться.

Уже час ночи, пора спать.

Целую тебя крепко-крепко и обнимаю.

Антон

Франкфурт/М.

Танечка, голубка моя родная, здравствуй!

Швеция мне совсем не понравилась, Стокгольм тоже — какой-то холодный, ледяной город, народу на улицах мало, вообще Швеция ужасно неуютная страна. А Хельсинки мне понравились, да и Россия совсем близко, может быть, и поэтому тоже.

Теперь, Таня, вот тебе вся правда о моей жизни здесь, во Франкфурте. Ты знаешь, я, что называется, пришелся здесь совсем не ко двору. Попросту говоря, ко мне относятся плохо и с подозрением. Подожди, не падай. Я тебе объясню, что тут происходит. Понимаешь, эмиграция здесь целиком политическая, почти все здесь — члены партии НТС [1], и, конечно, они чувствуют во мне чужого. Ты знаешь мое отношение ко всякому насильственному свержению власти и политическим партиям, которые ставят перед собой такую цель. А ведь иные из здешних не отвергают насильственных методов борьбы. Короче, кошмар. И вдобавок, если меня спрашивают о чем-то или вообще разговор заходит, то я говорю то, что думаю. И вот результат. Здесь господствует ненависть, узкополитический взгляд на все обычные высказывания. Например, ты, ничего не подозревая, рассказываешь о том, как громогласно высказывает М. Н. свои взгляды где угодно — в магазинах, метро и т. д. Да я и сам, помню — гм, гм... Или что можно снимать комнату или квартиру (а объявления об этом принимают вполне легально к расклейке). Или что мы в компании всегда говорили то, что думали. Ты рассказываешь все это, когда тебя спрашивают, ну, как жили вы и ваши друзья в Москве? А потом с тобой избегают встречаться и разговаривать. Ты ничего не понимаешь, что за чепуха? Что случилось? Вроде никого не обидел, ко всем отношусь по-прежнему хорошо, в чем дело? И выясняется, что тебя подозревают в том, что ты заслан, чтобы вести просоветскую пропаганду, или я уж там не знаю для чего. А одна женщина, мать семейства, сказала мне: вы только этого всего никому не говорите, а то вам укажут на дверь, да и к нам, пожалуйста, больше не приходите.

Им нужно вовсе другое: рассказы о том, что террор усиливается, что за каждое свободное слово бросают за решетку. Я тебе даже больше скажу: если бы все это и вправду случилось, они бы здесь были только рады — это значило бы, что их деятельность нужна и полезна и так далее. Короче, часто получается так, что они находятся в позиции врагов России. Или вот тебе еще пример: в моей конторе, где я подрабатывал (теперь уже нет), разразился скандал. Одна дама говорила-говорила, я терпел и молчал. Потом она сказала, что вот, нарушают права человека: запрещают хранить валюту (честное слово, не шучу!). И все — на таком уровне. Тут даже одна из присутствующих, старая эмигрантка, сказала (а она из Англии), что каждая страна имеет подобные законы, в Англии, например, запрещено иметь дома золотые монеты. А я сказал, что в Италии тоже запрещено частным лицам хранить валюту, и из страны нельзя вывозить больше определенной суммы. И тогда, к моему величайшему изумлению и ужасу, эта дама... расплакалась и побежала жаловаться хозяину этой конторы. Он пришел и сказал мне, что я веду просоветскую пропаганду. А потом эта старая эмигрантка мне сказала: милый Антон, что вы делаете! Ведь вам тут жить! Никогда не говорите здесь ничего подобного. Вот, Танюша, в «несвободной» России я всегда привык говорить свободно все, что думаю, а на «свободном» Западе, оказывается, этого делать не могу. А эмигрантка мне сказала: что поделаешь, такова жизнь, плетью обуха не перешибешь.

Не знаю, родная моя, хорошо ли я объяснил свое понимание этих проблем, думала ли ты над этим сама. Не знаю даже, согласна ли ты со мной,— хочется верить, что согласна,— но я не удивлюсь, если ты и не согласишься со мной, потому что и я бы до выезда из Москвы тоже бы во многом не согласился с собой сегодня.

Ну, вот, кажется, и все. Вот уж излил душу, так излил. Перечитал сейчас все, что написал, и подумал, что все это может тебя здорово испугать. Но ты уж не пугайся так, ладно?

Ты пишешь, неужели тут нет ничего хорошего? Нет, хорошего много: и изобилие чего угодно в магазинах, и машины — всего этого у Запада не отнять, все это есть, и, наверно, само по себе это совсем неплохо. Только страшно, когда, кроме этого,— ничего, когда на этом сосредоточивается вся жизнь и стремления людей, а на Западе все строится именно на таком мироощущении. И если ты этого не принимаешь, то оказываешься в гораздо более сильном одиночестве и изоляции. Ну, довольно об этом.

Пора заканчивать. Танечка, родная моя, пиши мне письма почаще и подлиннее — смотри, какие я тебе пишу. Целую тебя, любимая моя, крепко и обнимаю, Витюшку тоже.

Антон

Андрей ПЕТРОВ,
композитор, народный
артист СССР

КРИТ

— Андрей Павлович, недавно вы выступали по радиостанции «Юность» и на вопрос «Могли бы вы работать в жанре рок-музыки?» ответили, что *не можете этого*! Мне показался ответ странным: если верно помню, то первая рок-мелодия, прозвучавшая в советском фильме, а это был «Человек-амфибия», написана именно вами...

— Ну, это скорее битовая песня... Вообще же, когда я отвечал на вопрос, то имел в виду всех нас, композиторов-профессионалов, консерва-

[1] *НТС (Народно-трудовой союз) — одна из наиболее агрессивных антисоветских организаций на Западе.— Примеч. ред.*

торцев... Дело в том, что до появления джаза и рока любой композитор мог достаточно уверенно работать в жанре легкой музыки. Что раньше считалось «легкой музыкой»? Вальс, оперетта, танго, эстрадная песня и так далее... Все это могли сочинять и профессиональные композиторы, работающие обычно в «серьезных» жанрах. Но уже джаз принес иную творческую манеру, иную форму, с особой техникой. Суть джаза, его природа очень отличается от классической музыки. Поэтому далеко не все композиторы, которые работали в «серьезной» музыке, могли сделать что-то в джазовом стиле... Ну а мир рок-музыки отличается от мира музыки классической еще сильнее — ведь у рока своя эстетика, своя техника, свой «набор инструментов» и свои правила. И даже самые блестящие композиторы-профессионалы не могут свободно обращаться к этому жанру и успешно в нем работать, без специального изучения его специфики.

— Вы говорите об особых правилах. Вы не могли бы, хотя бы приблизительно, сформулировать их?

— Что касается инструментов, то тут все понятно: новые электронные инструменты дают возможность воспроизводить новые звуки, создавать новые звуковые эффекты. Вообще в современной музыке, существующей с конца пятидесятых—начала шестидесятых годов, очень большую роль играет само «звуковоспроизводство». В рок-музыке же создание звука, характер з в у ч а н и я — столь важный элемент, что, если попробовать некоторые рок-пьесы исполнить на рояле, от них часто вообще ничего не останется. Они производят неубедительное, а порой просто примитивное впечатление: словно все содержание исчерпывается первыми четырьмя тактами, за которыми следуют бесконечные повторы... Учтите, я говорю: если попробовать исполнить все это на рояле. Но когда эта музыка звучит в исполнении рок-группы, впечатление совсем иное. Развитие образа, экспрессия, сама музыкальная форма — все это возникнет в большой степени за счет модуляции звука, окраски звука, манеры его подачи, разнообразия тембров. Возьмем например, один ка-

кой-нибудь аккорд. Если его повторять пятьдесят раз на рояле, это будет пятьдесят одинаковых аккордов. А в рок-музыке мы знаем случаи, когда один аккорд звучит сначала на электрогитаре, потом на электрооргане, рояле, потом этот аккорд пропускают через синтезатор — и вот он уже переливается всеми красками: оказывается, один аккорд может быть бесконечно богат и разнообразен.

Создатель рок-музыки очень часто имеет дело не столько с нотной бумагой, сколько с аппаратурой, с самими инструментами. Если песни «Битлз» вполне фиксируются в нотах, то постепенно, с развитием рок-музыки и ее электронно-технических возможностей, инструментальные пьесы становятся практически невоспроизводимыми на нотной бумаге... Впрочем, записать их, конечно, можно, но такая запись наполовину будет состоять из технических инструкций и т. п. Конечно, основная тема фиксируется нотной записью, все же остальное делается за пультом, создается при помощи современной техники и сложной аппаратуры. Не случайно в рок-музыке так важна индивидуальность исполнителя, а также звукорежиссера: сам процесс творческого труда здесь весьма отличается от творческого процесса создания классической музыки. Вот, скажем, скрипач, переходит из одного симфонического оркестра в другой, но при этом он играет по тем же нотам ту же самую партию, так что само звучание симфонии Бетховена в общем-то не меняется. (Разумеется, здесь я немного примитивизирую: на то и существуют уникальные исполнители классических произведений, что они могут придать известному произведению свою, особую окраску. Но принципиально произведение остается прежним...) Если же рок-музыкант уходит из коллектива, очень часто случается так, что весь коллектив умирает или меняется до неузнаваемости, потому что новый состав в принципе не может повторить прежнее звучание: оно держалось на мастерстве, изобретательности, фантазии, манере данного исполнителя. Поэтому, кстати, любители рок-музыки так следят за перемещениями исполнителей из одной «команды» в другую: каждый оригинальный исполнитель переносит с собой свой стиль игры, свое звучание, свои принципы организации музыкального материала...

Опыт композиторского творчества дал множество разнообразных форм построения музыкального материала. Начиная от простейшей куплетной, идущей от народной песни, через более сложные формы — сюиты, сонаты — к жанрам: жанру симфонии, оратории, к опере, балету. Как строится, к примеру, соната? Как правило, классическая соната состоит из трех-четырех частей. И средние части сонаты (у Гайдна, Моцарта, Бетховена) также часто делятся на три раздела, и каждый из них тоже состоит из своих четких элементов: предложений, периодов, фраз... Недаром архитектуру называют застывшей музыкой: их ро. нит четкость построений. Музыку можно проанализировать математически, как и архитектуру, в музыке тоже есть симметрия, «золотое сечение», «арки-перекидки». Классическое музыкальное произведение, как и здание, создается по определенным законам. Это не значит, что этим законам надо следовать слепо: новые художественные задачи современных композиторов, естественно, требуют и новых решений, отхода от привычных построений. Но «здание» все-таки должно быть стройным — нельзя впадать в анархию, в совершенную бесформенность. Что же касается рока, то в нем все более спонтанно, более свободно. Единственное, чего, как мне кажется, из прежнего придерживаются создатели рок-музыки,— это «квадратов»: строения по четырем, по восьми тактам. Но в остальном развитие идет скорее по законам эмоционального воздействия на слушателя, нежели по законам развития и создания законченной музыкальной формы. (Хотя в лучших образцах рок-музыки, конечно, рождаются по-своему стройные и законченные формы.) Это меньше всего заметно в песне, потому что в песнях чаще всего бывает куплетная форма или что-то сходное с ней, да и текст несет на себе организующую функцию. Но в, так сказать, бессловесных инструментальных произведениях подобной классической законченности нет.

Вот возьмем, к примеру, произведения Рыбникова — это талантливый композитор, владеющий всеми приемами современной композиторской техники. И у него в «Юноне и Авось» все вокальные номера отличаются стройностью формы: они сделаны или в обычной песенной куплетной форме, или в форме баллады, ими он цементирует все свое музыкальное сооружение. Зато как только начинаются инструментальные куски... Звучат орган, гитара, ударные, все очень эмоционально, выразительно, идет нагнетание, и по законам канонического построения должна была бы следовать, например, кульминация, потом еще раз проведение основной темы, потом завершение — а этого нет! Композитор чувствует, что интерес публики на пределе, и просто обрывает пьесу. Наверное, в чем-то он прав, хотя некоторая незавершенность построений все же ощущается. Я уже неоднократно встречался с такой «усеченностью» формы в инструментальном роке. Что это — композитору не хватает музыкального материала? Он «выдохся», иссяк? По-видимому, вопрос в другом. Просто аудитория на рок-концертах слушает музыку по несколько иным законам восприятия, эмоционально по-другому. Вероятно, если ту же пьесу, которую человек слышит на рок-концерте и которой он удовлетворен, оркестровать для симфонического оркестра, и пьеса будет так же прервана — это, возможно, вызовет у слушателя некоторое недоумение, потому что у симфонической музыки иные законы и слушатель ее воспринимает по-иному.

— Что же получается, развитие классической и рок-музыки идет совершенно разными путями и эти пути никак не соприкасаются?

— Соприкасаются все время, и даже больше, чем это заметно на первый взгляд. В конце концов, едва ли не все находки рок-музыки в каком-то виде можно обнаружить в музыке симфонической. Например, еще до появления рок-музыки композиторы искали, как сделать так, чтобы одна и та же нота звучала по-разному. И есть примеры поисков разных красок звука в одном инструменте: использование сурдин, искажение привычного тембра рояля... Композиторы подчас стремятся найти новое звучание, чтобы оно больше соприкасалось со звуками окружающего нас мира.

— Но если существует такая связь, почему же иногда композиторы-профессионалы относятся к рок-музыке с некоторым предубеждением?

— Я думаю, такое обобщение неправомерно. Каждый композитор вправе иметь свои пристрастия, равно как и предубеждения. В отношении рока встречается и то и другое. И это понятно: ведь очень часто необычные и новые явления в искусстве не сразу принимаются, необходима какая-то психологическая перестройка, настрой на новое восприятие. А потом... Мне кажется, что у людей, которые специально не интересуются рок-музыкой, может сложиться о ней превратное впечатление. Происходит это потому, что, к сожалению, не всегда у нас получают широкое распространение ее лучшие образцы. Если возьмем серьезную музыку — мы ежедневно по радио, по телевидению, в концертах, в грампластинках слышим то, что составляет гордость музыкальной культуры. А рок-музыка, которая нас окружает в быту... Это иногда и не поймешь, что такое: в передачах, которые звучат по радио или по телевидению, на одну хорошую группу приходится столько ширпотреба! То есть в отличие от серьезной музыки, которая живет и звучит в лучших образцах, в рок-музыке нас постоянно окружает отнюдь не «классика» этого жанра, а ведь своя классика у рок-музыки уже существует.

— Иногда рок-музыку обвиняют в агрессивности. Что вы можете об этом сказать?

— Рок-музыка очень динамична, все построено на очень четком ритме, и если уж говорить об агрессивности, то

прежде всего — об агрессивности ее ритма, ее экспрессии. Музыкальные темы рок-произведений чрезвычайно эмоциональны, непосредственно обращены к чувствам публики. Естественно, если все это заложено в самой музыке, исполнители должны заложенное в ней выявить, раскрыть. Если не лукавить, то можно говорить о том, что агрессивность — это задача, которую сознательно ставит перед собой композитор или исполнитель рока. Но все дело в том, чтобы не переходить границы художественного вкуса и такта, не спекулировать реакцией публики, искусственно поддерживая ее «завод» утрированностью, чрезмерностью, иногда на грани шока... Собственно, здесь и проявляется вкус музыканта, а значит, и его профессионализм. Настоящий профессиональный рок-музыкант, общаясь с публикой, всегда чувствует тот предел, за которым кончается искусство и начинается какое-то шаманство, полная безвкусица. Истерия и низменная реакция зрителей — это не победа музыканта, а его тяжкое поражение.

Повторю: в самой импульсивности, динамичности рок-музыки я не вижу ничего дурного. Это музыка молодежная, ее стиль подразумевает сильное эмоциональное воздействие. И соответствующее восприятие, все то, что и биологически свойственно молодости — энергию, задор, озорство, заряд нерастраченных сил...

— И агрессивность?

— А может, мы разный смысл в это слово вкладываем? Я не имею в виду жестокость или насилие, а агрессивность такую...

— Как у Маяковского — «Нате!»?

— Вот-вот. То, что идет от молодежных шествий, манифестаций, от танцев — все, что связано с проявлением здоровой энергии. Мне всегда представлялось, что в рок-произведениях доминирует не столько танцевальное начало, сколько соединение марша с танцем. А ведь такие формы известны, вспомните хотя бы танцы французской революции. Тогда на улицах Парижа танцевали под песню санкюлотов «Ça ira», там ведь тоже ритм такой, вроде бы для шествия — этот танец напоминал марш. И, мне кажется, современные рок-песни, когда публика начинает скандировать, подпрыгивать, это тоже не столько танец, сколько соединение марша с танцем. Правда, когда человек старшего поколения попадает на рок-концерт, его может раздражать зрелище огромной массы молодых людей, танцующих, скандирующих, раскачивающихся в едином ритме. Он вполне может подумать: а то ли, хорошее ли, их объединяет? Но мы ведь знаем примеры, когда эта музыка объединяла людей для высоких целей — песни «Битлз», Боба Дилана на антивоенных демонстрациях. И если бы я писал рок-музыку, я бы старался сделать все, чтобы эти произведения объединяли и направляли людей к высокой цели, к тому, ради чего стоит объединяться. Звучание хорошей рок-музыки — это естественное звучание молодости, и тут можно достичь эффектов очень сильных.

— Давайте вернемся к началу разговора. Помните, мы говорили о взгляде профессиональных композиторов на рок-музыку. Почему вы, композитор, работающий в очень серьезных жанрах, тем не менее следите за рок-музыкой, интересуетесь ею?

— Ну так уж сложилась моя судьба. Двадцать лет назад, когда я начинал работу в кино, я написал несколько песен, которые были очень популярными...

— Андрей Павлович, извините, некоторым нашим читателям еще далеко до двадцати. Напомните, пожалуйста, названия.

— Пожалуйста, «Голубые города», «На кургане»... А песня из фильма «Я шагаю по Москве» газетой «Советская культура» была признана лучшей песней шестьдесят четвертого года. Я это рассказываю совсем не для того, чтобы похвастаться, просто я тогда узнал вкус популярности у молодежи, хотя вовсе не писал песни в расчете именно на это. Но очень важно ощутить эхо от своей музыки, услышать, как твои песни поют на улицах, в электричках. Это важно для дальнейшего. Даже если говоришь себе: «Все, я песен больше не пишу». Я всегда старался поставить себя на место слушателя, понять, что он чувствует. Стиль тех моих песен прошел, пришли другие песни... Знаете, американский драматург Артур Миллер, когда у него спросили, как он относится к театру абсурда, сказал: «Отрицательно. Но когда я сажусь за очередную пьесу, то имею в виду, что такой театр существует». Театр абсурда канул в Лету, пьесы Миллера остались. Но в то время, когда он их писал, он понимал, что публика видела пьесы театра абсурда, и он учитывал это. Так и с рок-музыкой: она существует, и каждый композитор, который развивается, творит в одно с ней время, должен, наверное, как-то учитывать, что она существует, потому что она очень влияет на нашу музыкальную жизнь и вкусы. Когда я писал свою последнюю оперу «Маяковский начинается», я помнил о том, что существует эта музыка, и в какой-то мере пользовался ее приемами, к примеру, в «агрессивности» подачи материала: раньше композитор как бы корректно предлагал слушателю свою музыку — теперь он словно заставляет себя слушать...

— Кстати, о привлечении внимания слушателей. Не кажется ли вам, что рок-музыка обросла какими-то явлениями немузыкального характера, некоторой скандальностью: возможно, именно этим она и раздражает — не самой музыкой, а тем, что вокруг нее?

— Да, к сожалению, такое происходит. Но, может быть, есть причины и объективного характера? Ведь рок как явление не ограничился только музыкой: рок-музыка наложила свой отпечаток и на манеру поведения, и на моду, и, например, на живопись. Давайте еще раз вспомним «Битлз»: вместе с увлечением их музыкой появилась мода на их прически, на их одежду. Но «Битлз» — таланты, а когда все то, что делают действительно талантливые коллективы, подхватывают ансамбли-эпигоны, они, тиражируя музыкальные находки, тиражируют и внешний антураж. И, не умея «взять» слушателя своей музыкой, понимая, что им это не дано, стремятся создать ажиотаж за счет внешнего, внешних атрибутов рока. Все смешивается в одну кучу, а на молодого, неопытного в музыке слушателя такое внешнее может иногда производить сильное впечатление. Есть прекрасные группы, которые делают прекрасную музыку, но внешне они невыразительны, и неопытный слушатель их иногда не замечает. Вот я, например, слушаю песни, получившие в Америке премию «Грэмми», премию за лучшую грамзапись. Слушаю первых три номера — и не понимаю ничего: что в них интересного, яркого, творчески нового? А объяснение, вероятно, одно: эти пластинки лучше всех раскупали, наверное, потому, что эти исполнители были лучше поданы, скажем, по телевидению. И вот эти исполнители становятся кумирами очень во многом благодаря «подаче», рекламе. Но долго обманывать публику невозможно, и эти коллективы быстро сходят со сцены. На смену им вновь появляются такие же пестрые бабочки-однодневки, и так без конца. Это выгодно фирмам грамзаписи, индустрии развлечений, они создают вокруг таких групп ажиотаж, и молодому слушателю порой бывает трудно разобраться и отобрать стоящее. Наша задача — помогать слушателям находить правильные оценки. Хотя одними словами здесь не поможешь: бороться с дурным можно только хорошими образцами.

В свое время искусство джаза, рожденное на иной почве, в иных социальных условиях, но — искусство, но — музыка настоящая, придя к нам, войдя в музыкальное сознание, стало частью нашей музыкальной жизни. И каких теперь прекрасных советских джазистов мы имеем! Сейчас молодые люди увлечены рок-музыкой, и при всех сложностях, при всех издержках у нас тоже появляются талантливые коллективы, талантливые композиторы (тот же Рыбников, Паулс, Тухманов...). Пусть это пока небольшой опыт, но опыт важный, и его можно и нужно развивать.

Беседу вела Н. РУДНИЦКАЯ

Будь вы, читатель «Ровесника», чуть старше, тогда не потребовалось бы даже короткого представления автора публикуемых на этих страницах заметок о любви. Потому что тогда вы почти наверняка видели бы фильмы «Дорога», «Ночи Кабирии», «Джульетта и духи». И тем более наверняка знали бы выдающуюся итальянскую актрису Джульетту Мазину. Ее героинями были женщины, «жизнь которых,— по замечанию режиссера этих фильмов Федерико Феллини,— была похожа на каторжные работы». Эта жизнь выталкивала их на самую обочину, да и там бесконечно мучила и терзала. Но не могла победить чистоту души и доброту сердец этих женщин. Побеждала их доверчивая и хрупкая, но живучая и неистребимая любовь... В Италии Мазину, конечно же, помнят и сегодня, тем более что она продолжает выступать в театре. Неудивительно, что к ней домой или на ее имя в редакцию газеты, где она вела рубрику ответов на вопросы читателей, продолжают идти письма. И прежде всего — о драмах любви.

Джульетта **МАЗИНА**

И ВОТ ЧТО Я ДУМАЮ О ЛЮБВИ...

Рис. Б. САМСОНАДЗЕ

«По-моему, цель жизни человека — быть счастливым. Но, увы, все мешает этому, а социальные условия и условности в особенности. Порой из-за других, иногда даже совсем незнакомых нам людей мы вынуждены отказываться от собственных элементарных и законных прав. Что вы думаете об этом?»

Так мне написала школьная учительница из города Таранто. Легко угадать, что у автора этих строк произошел какой-то «конфликт» с традициями и нормами нашего общества. Переход от частного к общим выводам понадобился этой женщине для того, чтобы о личной душевной боли и неудовлетворенности можно было говорить в русле отвлеченной беседы на общечеловеческие темы.

Что же я думаю об этом? Прежде всего эти строчки возвращают меня к давним размышлениям. Личное счастье человека, по-моему, настолько сильно связано с существованием других людей, что оборвать эти таинственные единящие узы практически невозможно. Счастье, если хотите,— это не отдельный инструмент солиста, а громадный оркестр. И если кто-то в этом оркестре начинает фальшивить, то нарушается общая гармония. Это не означает вовсе, что каждый из нас не должен пренебрегать личным, нет. Понимать самого себя, уметь защитить себя, постоять за свои убеждения и чувства — долг каждого человека.

Уступать другим нужно, но лишь до тех пор, пока не попирается наше достоинство. Нужно уступать, да, но это вовсе не значит, что наши жертвы должны быть на руку чьей-то корысти или тщеславию, что, принося их, мы должны идти против своей убежденности и искренности. Не подчиняться тому, что мы считаем несправедливым, тому, что нас унижает и посягает на права наших чувств,— означает быть честным по отношению к самому себе.

Другое длинное письмо, в котором автор подводит итоги своей жизни, заканчивается так: «Я виноват в том, что не захотел страданий других».

Эта заключительная фраза заслуживает публичного обсуждения, хотя я и ответила уже ее автору личным письмом. Она, эта фраза, напоминает нам о весьма злободневном вопросе: как часто люди считают свой добровольный отказ от своих же личных прав той единственной причиной, из-за которой они сегодня не стали тем, кем могли

бы стать, не помешай им любовь предпринять в свое время некоторые шаги.

И верно, порой обстоятельства, любовь, крайняя преданность чему- или кому-либо заставляют нас отказываться от самостоятельной жизни. Я знаю это по себе, я не раз стояла перед подобным выбором. И все же ничто не могло помешать моей работе, ничто не в силах было подавить мои желания и устремления, не могло непреодолимо встать на пути к достижению личных и общественных целей. Я хочу сказать, что, когда было необходимо, я умела пожертвовать любовью к другим во имя любви к самой себе. Будь я другим человеком, возможно, силы любви поглотили бы все мои остальные жизненные силы. Но я сумела в своем сердце справедливо разделить себя и других. И, защищая себя саму, я смогла лучше защитить того, кого любила.

Всегда в жизни бывает момент, когда мы отдаем любимому человеку себя целиком, без остатка. Под этим «целиком» я не имею в виду физиологическую сторону вопроса. Это «целиком» означает полное раскрытие перед любимым человеком нашей сокровенной сущности, последних тайн нашего «я». И потому предательство или оскорбление этих ценностей, совершенные другими, порождают истинно душевную боль. Настоящая любовь всегда взаимообогащает: мы теряем немного своего, но приобретаем дарованное другим. В одной книге говорится, что в некоторых племенах влюбленные к своему имени согласно обычаю присоединяли имя любимого. Получалось: ты — я, я — ты.

«Я больше ничего не хочу. Не говорите мне, что я заблуждаюсь или что я сумасшедший. Я просто устал жить в этом душном мире. Возможно, это потому, что я безответно люблю, возможно, потому, что не знаю, зачем я вообще здесь. Но не в этом дело. Факт тот, что мне скучно, что я угасаю и чувствую себя вычеркнутым из этой жизни. Тогда зачем ждать и чего? Никто не придет ко мне и никто не назовет меня по имени... Я пишу вам, и у меня действительно появляется впечатление, что я умалишенный.

Если бы был бог, я услышал бы его. Услышал бы? Это вопрос. Когда я начинаю об этом думать, я вновь начинаю чувствовать себя ребенком, находящимся в темной комнате наедине с леденящими душу страхами детства. Я все испытал, я испробовал все возможные пути... Но ни одна собака, именно собака, не была мне рада, никогда не составила мне компанию. А теперь давайте, синьора Мазина, придумайте мне в утешение какую-нибудь красивую басню, возьмите меня за руку и скажите так вкрадчиво: «Ты немного глуп, мой милый». А я сделаю вид, что считаю вас, как, впрочем, и всех, кто живет беззаботной, милой жизнью, правой. Но это ложь, вы не правы. Почему вы всегда только мешаете?»

Ответ мой, конечно, не начнется и не закончится словами: «Ты немного глуп, мой милый». Не в моем духе считать глупыми подобные письма, письма, написанные в плохом настроении, в тоске и говорящие о том, как многие одиноки сегодня. Но опережать события, спешить с выводами и считать себя преждевременно приговоренным, даже если при этом исходят из прошлых разочарований,— вот это действительно глупо.

Слова, что сказаны в письме, меня не оскорбляют, но немного затрудняют дело: ведь в первую очередь я должна утешить этого обреченного (назовем его так), убедить в том, что никто не собирается убивать его, и даже более — я хочу пожелать ему долгой и счастливой жизни.

Очистив письмо от второстепенных, излишне эмоциональных фраз, я свожу суть его к одной мысли: «Я безответно люблю...» Конечно, такая боль ужасна. Каждый, кто страдал из-за любви, знает, что это такое. Часто любовь наносит нам такие сильные раны, что последствия их предсказать просто невозможно. Из окружающих людей мало кто в этом случае может по-настоящему помочь. А случается даже, что эту невыносимую душевную боль высмеивают.

Но, по-моему, она самая страшная из всех бед, потому что охватывает нас целиком, довлеет над разумом и чувствами, поражает и дух и плоть. И до той поры, пока она длится, человек пребывает в великой скорби, тоске и отчаянии. В письме легко найти все эти настроения и даже более: ведь написано оно парнем, принадлежащим к поколению, которое всеми способами пыталось развенчать это «древнее понятие» — любовь. Нигде я не встречала прежде такого количества признаний в жажде интимной любви, как в письмах молодых людей, приходящих ко мне со всех уголков Италии...

Возвращаясь к письму... мне хотелось бы успокоить написавшего мне молодого человека и сказать ему при этом вот что: твоя столь бурная реакция на причиненную боль — это свидетельство, мой друг, того, что ты душевно здоров. Ты будешь живым трупом тогда, когда у тебя выработается иммунитет к обидам, когда ты не будешь страдать ни от большого, ни от малого зла, когда окружающие тебя люди потеряют для тебя всякую ценность. Тогда ты и сам как человек ничего не будешь стоить.

Написанное по-детски неровным почерком письмо пришло ко мне из Алессандрии. Его автор, синьорина Мариза, обращается ко мне за срочным советом: «Я прошу вас, прошу, синьора Мазина, научите меня быть сильной». Вежливое и грустное, это письмо, в сущности, все на ту же знакомую тему «комплекса неполноценности».

«Стоит кому-нибудь посмотреть на меня пристально, как у меня леденеет сердце и отказывает сознание. Я не могу говорить, перестаю думать, почти не дышу. Вообще я не красивая, но и не безобразная, думаю, что достаточно умна. Иногда я подозреваю, что причина моего комплекса — давнишняя история. Около десяти лет назад одной моей подруге, девушке несимпатичной, удалось отбить у меня парня, которого, мне казалось, я люблю. Но, очевидно, я его не любила, потому что, когда он оставил меня, я не почувствовала никакой душевной боли. Однако мысль о том, что Клелии, такой некрасивой, удалось увести у меня человека, которого я считала полностью своим, породила во мне горечь и неуверенность. А я была тогда, как говорили, очень хороша. Прошли годы, а я продолжаю вспоминать об этом случае. В конце концов я пришла к выводу, что Клелия добилась своей цели, используя какие-то личные качества, которыми я не обладала. Синьора Мазина, что это могут быть за качества?»

Письмо на этом не заканчивается, но для меня все уже сказано в этих строках. Я не могу, конечно, знать, какие скрытые добродетели синьорины Клелии помогли ей «увести» у Маризы парня. Каждый человек, будь он даже совсем непривлекательный внешне, всегда обладает какими-то душевными качествами, за которые другие могут его полюбить. В каждом из нас есть что-то, что взывает к окружающим или же, наоборот, откликается на призывы издалека. Каждый человек — это неповторимый мир. Но так как я лишена самых элементарных сведений о Клелии, я не могу сказать, что именно помогло ей завоевать того парня.

Могу лишь сказать Маризе, что если за нее я переживаю, то за подругу я рада. Передо мной, абсолютно незнакомой с ними обеими, их история ставит извечный вопрос: почему несчастье одного человека является условием для счастья другого? Поистине такая взаимосвязь, такая диаметрально противоположная для двух людей развязка является отражением безутешности нашей жизни. Я только надеюсь, что Клелия была столь же счастлива, сколь Мариза несчастлива.

Если толковать историю Маризы не злобясь и по-доброму, то, как мне кажется, тут можно и для нее предложить верный рецепт: перевернуть ситуацию. Не воспринимай, Мариза, причиненное тебе зло как коварную измену подруги, отнесись к нему как к случившемуся совершенно невольно, лишь по той простой причине, что твоя подруга существовала. Подумай о том, для скольких людей ты сама можешь быть символом силы, воли, смелости, которыми они не обладают. Вспомни, сколько раз ты собирала на улице восхищенные взгляды парней и сколько девушек страдали тогда от этого. Прикинь, сколько ты незаметно забирала у других, попробуй. Попробуй, и тогда ты увидишь, сколь неожиданны будут твои выводы.

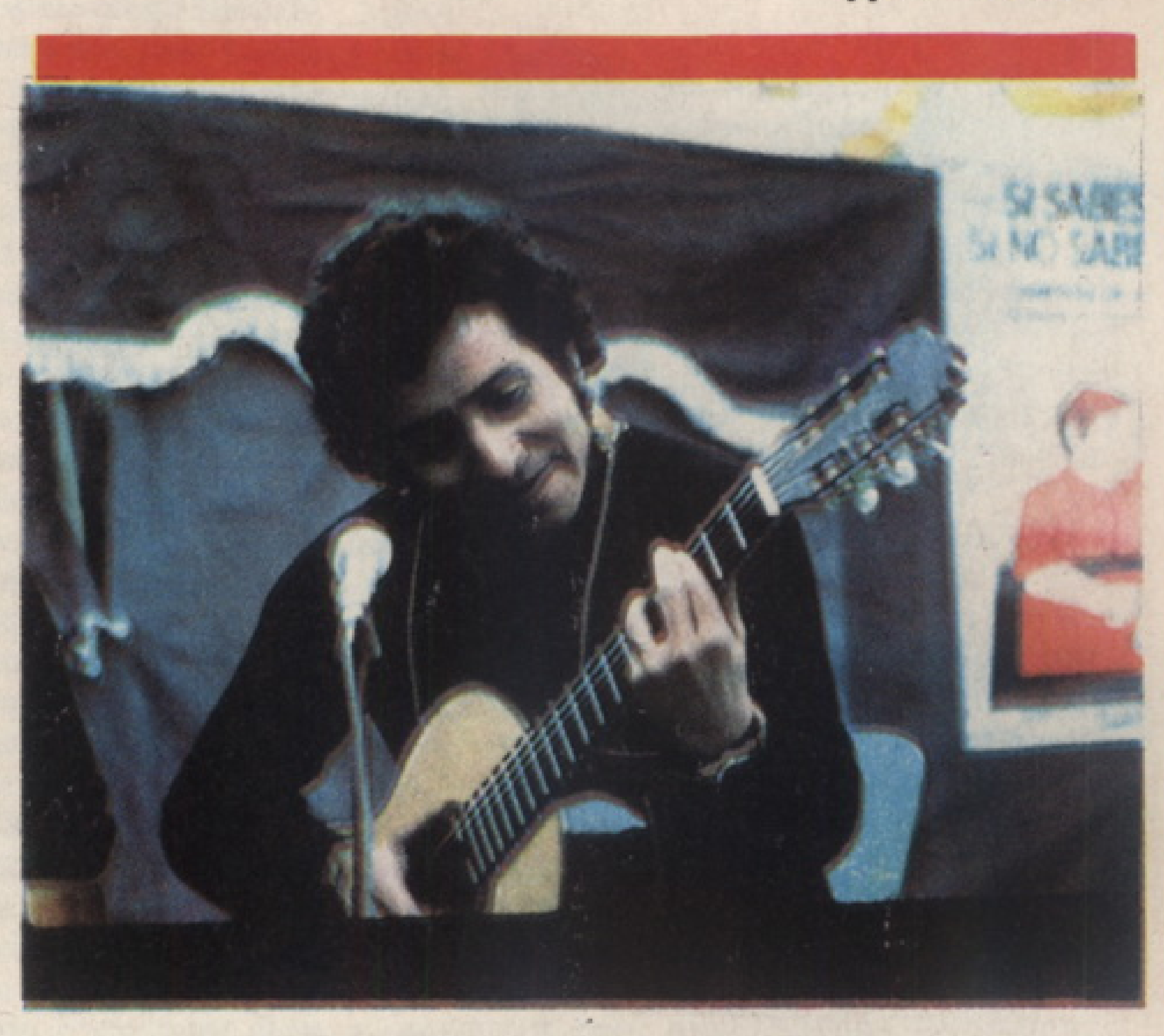
Будь, Мариза, жизнестойкой, как того требует закон жизни. Участвуй в жизни, если даже тебя не приглашают к этому участию.

Перевел с итальянского А. МУДРОВ

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

Кадры из документального кинофильма советского режиссера Романа Кармена «Пылающий континент»: одна из настенных росписей, созданных молодыми художниками-коммунистами; Виктор Хара выступает перед жителями района Ногалес, в котором он вырос.

Кампания по подготовке к президентским выборам сентября 1970 года начала набирать силу задолго до положенного ей срока в двенадцать месяцев. Правые партии — национальная и христианские демократы — выдвинули своими кандидатами соответственно Хорхе Алессандри и Радомиро Томича. В декабре 1969 года коммунистическая, социалистическая, социал-демократическая, радикальная партии, Движение единого народного действия (МАПУ) и Независимое народное действие образовали блок Народное единство. Своим кандидатом они назвали социалиста Сальвадора Альенде.

Программа Народного единства состояла из сорока пунктов: национализация природных богатств, банков и наиболее важных отраслей индустрии, бесплатная медицинская помощь, образование, решение жилищного кризиса... Программа предусматривала даже выдачу каждому чилийскому ребенку по два стакана бесплатного молока в день. Особое место занимал пункт о независимой внешней политике и о восстановлении дипломатических отношений с Кубой. Это была социалистическая и в лучшем смысле слова патриотическая программа.

Средства массовой информации, конечно, выступали против Народного единства. И вот требования времени родили новую форму искусства. Основой ее были мексиканские муралы — настенная живопись: рисунками иллюстрировались предвыборные лозунги. Начали все это молодые художники-коммунисты. Они объединялись в «Бригады Рамона Парра» (или БРП), потом такие бригады стали возникать во всех партиях, входивших в Народное единство.

Не обходилось в эти месяцы и без насилия со стороны правых элементов; Народное единство гордилось тем, что его демонстрации всегда были мирными. Во время одной из них переодетый в штатское полицейский застрелил восемнадцатилетнего юношу Мигеля-Анхеля Агилера. Похороны Агилера превратились в массовую демонстрацию против насилия: сотни тысяч людей заполнили широкую улицу, ведущую к кладбищу. Виктор написал песню, посвященную Мигелю-Анхелю — «Наши сердца полны знамен», эта песня стала вкладом Виктора во второй фестиваль Новой чилийской песни, который состоялся в августе 1970 года, перед самыми выборами. Фестиваль по тону своему очень отличался от предыдущего: политические страсти накалялись, каждого участника, который был против Альенде, публика освистывала и заставляла уйти со сцены.

Необходим был марш кампании, и так была рождена песня «Венсеремос». Музыку написал Серхио Ортега, а первая версия текста принадлежала Виктору. Фирма грамзаписи ДИКАП быстро издала пластинку, в ее записи вместе с Виктором участвовали музыканты из разных групп, и к началу выборов эту песню пели уже огромные толпы. Позже был создан новый текст и песня стала гимном Народного единства.

Тем, кто никогда не участвовал в подобных демонстрациях, трудно представить себе, каково это — быть частью такой огромной массы. Мы постоянно считали и пересчитывали количество участников: сознание того, насколько большее число людей поддерживало Народное единство по сравнению с правящей христианско-демократической партией, укрепляло наш дух. Мы шли по элегантной авениде Провиденсиа и были счастливы показать «момио», как много нас. Это чувство было очень простым, но возвышенным, и, когда бы ни созывалась демонстрация, пусть после тяжкого трудового дня, мы шли на нее, мы считали за честь даже просто присутствовать, пополнить число.

Двери распахнуты

4 сентября 1970 года...

Наконец наступил день выборов... Президентская кампания завершилась двадцать четыре часа назад, и наступило странное, неестественное спокойствие, будто затишье перед бурей. Я была настроена оптимистически, да и невозможно думать иначе, вспоминая последнюю гигантскую демонстрацию: вы и представить себе не можете, каково это, когда восемьсот тысяч человек хором поют «Венсеремос».

На избирательные участки отправились рано. Большинство наших соседей голосовало в Лас Кондесе, но Виктор должен был голосовать в центре города, потому что он зарегистрировался по месту работы. Моника тоже ушла, и я осталась одна с Амандой, Мануэлой и дочкой Моники, Каролой. Как иностранная подданная, я могла участвовать только в местных, но не общенациональных выборах. Я сказала себе, что, если победит Альенде, я, так и быть, пройду через всю бюрократическую волокиту и приму чилийское гражданство.

Странно, такой решающий день, а кругом все тихо. Но так

Продолжение. Начало см. в № 3—8 за 1984 год.

в Чили всегда: после всех демонстраций, насилия, беспорядка, сопровождавших предвыборную кампанию, сами выборы проходили в спокойной обстановке... Надо приготовить детям обед. Наверняка на избирательных участках длиннющие очереди. Бог знает когда вернется Виктор.

Я вспоминала, как прежде, когда вечером сообщали о победе правых, наши соседи отмечали это ревом автомобильных клаксонов. Они гоняли по улицам на лимузинах и выкрикивали оскорбления всем, кто поддерживал не их кандидатов. В последнее время соседи посматривали на нас косо: Мануэла чувствовала это по тому, как относились к ней дети, и очень переживала.

Послышался рокот мотора «ситронетты», вернулся Виктор. Как странно, Виктору нечего делать, надо только сидеть и ждать... Какое мучение — это радио. Представитель министерства внутренних дел зачитывает первые сводки. Виктор угнездился в кресле возле камина. В руках у него бумага и карандаш, он записывает сообщения. Подсчеты пока очень приблизительные, компьютеров здесь нет... Первые результаты зачитывают по листам, составленным отдельно для мужчин и женщин, так что видно, кто за кого голосует: женщины явно отдают предпочтение Томичу, но ведь это пока только результаты по Сантьяго... Возможно, все переменится, когда начнут поступать сведения с севера.

Стемнело. Виктор забыл включить свет — похоже, он даже не замечает, что сидит в темноте. Я сижу рядом на полу, он нежно гладит меня по голове и говорит: «Мамита, что ж нам делать, если победит Алессандри?»

Этот противный официальный голос, сейчас он зачитывает данные по всей стране. Кандидаты идут голова к голове, наверное, правительство контролирует порядок объявления результатов. Но все равно видно, что у Альенде очень хорошие показатели. Каждое упоминание о победе Алессандри в каком-либо участке заставляет нас вздрагивать, но мы пытаемся хранить хладнокровие.

Звонит телефон. Друг Виктора сообщает, что Альенде практически победил. Я визжу от счастья и начинаю прыгать на месте. Еще один хороший знак: от соседей не слышно победных воплей.

Мы переключаемся на другую программу, может, кто из комментаторов скажет об окончательной победе Альенде? Министерский представитель пока не сделал никакого заявления... Дети уже спят. Мы больше не в состоянии выносить ожидание и решаем отправиться к зданию Студенческой федерации: друг Виктора сказал, что там собираются сторонники Народного единства. Моника остается дома с детьми.

Мы вышли в ночь и увидели, что в соседских домах света нет. Звук мотора «ситронетты» кажется таким громким... Виктор разворачивается, минует дерево, которое я обычно задеваю бампером, мы выезжаем. Лает овчарка, Дон Хуан как всегда стоит на своем посту на углу, он приветственно машет рукой. Это бывший полицейский, теперь он по ночам сторожит наш квартал. Мы не знаем точно, друг он нам или нет.

На улицах никого. Дома на авениде Колон стоят темные, ставни закрыты. На Аламеде почти нет машин, но возле здания студсовета собралась огромная толпа. Люди узнают Виктора, хлопают по спине, никто, похоже, пока еще точно ничего не знает, но все же в воздухе царит дух праздника.

Мы вошли в здание Студенческой федерации. Мрачная, плохо освещенная лестница, комнатки, в которых стоят обшарпанные письменные столы. Здесь собрались все известные деятели Народного единства — лидеры партий, сенаторы, депутаты, артисты, они о чем-то негромко разговаривают, сидят на лестнице, ждут подтверждения слухов о победе... Я вижу лидера коммунистов Лучо Корвалана, Володю Тейтельбойма и понимаю, что и сам Сальвадор Альенде тоже здесь.

Я думаю о всех тех годах, когда они так же ждали результатов. Сколько же лет они надеялись на победу народа!

В пять минут первого прибывает сообщение: победил Сальвадор Альенде, и «хефе де Плаза», то есть армейский чин, отвечающий за проведение выборов в столице, разрешает Народному единству провести митинг. Аламеда снова забита людьми. Люди карабкаются на фонарные столбы, деревья, парапеты в надежде увидеть и услышать Альенде.

А здесь, внутри,— слезы счастья. Все тискают, обнимают друг друга. Люди сбиваются вокруг Альенде, поздравляют его. Приходит моя очередь. Я стесняюсь, как-то неуклюже пытаюсь его обнять, а он говорит: «Обними меня покрепче, компаньера. Сейчас не до церемоний».

Альенде выходит на крошечный балкон, чтобы впервые обратиться к народу как избранный им президент. Балкончик такой маленький, ненадежный, Альенде едва на нем умещается. Люди танцуют, держатся за руки, образуют цепи и хороводы, жгут костры...

Празднование Дней независимости в том году было особым. Простые люди, как и прежде, собирались на традиционные семейные пикники в парке Кусиньо, так же танцевали в фондах куэку, но на этот раз народ праздновал второе освобождение Чили — не от испанских королей, а от многонациональных компаний и олигархии.

И традиционный военный парад 19 сентября тоже был особым, и особыми были приветствия, обращенные к вооруженным силам. Потому что за высокими, стройными офицерами шагали коренастые рядовые, и эти рядовые были нашими компаньерами, это были молодые сыновья рабочих и крестьян, и их семьи, без сомнения, поддерживали Народное единство.

Главнокомандующий генерал Рене Шнейдер произнес речь, в которой он заявил о своей поддержке демократически избранного президента и о том, что вооруженные силы будут стоять на страже конституции. «Доктрина Шнейдера», как ее стали называть, была основным препятствием для тех, кто жаждал военного переворота, а такая опасность существовала в двухмесячный период между избранием Альенде и тем днем, когда Фрей официально уступил ему президентский дворец.

Окончательный подсчет голосов показал, что Альенде получил 36,6 процента, 35,3 получил Алессандри и 28,1 — Томич. По чилийской конституции, конгресс, если победитель не получал абсолютного большинства, должен был подтвердить его избрание и теоретически мог назначить президентом того, кто был вторым. И начались маневры, призванные убедить конгресс, в котором большинство принадлежало христианским демократам, что надо нарушить традицию и провозгласить президентом Хорхе Алессандри.

Первым этапом было экономическое давление: хорошо организованная паника на бирже, массовое изъятие вкладов из банков и строительных обществ, закрытие частных предприятий — их владельцы «бежали» в Майами и Эквадор, на черном рынке началась спекуляция товарами и валютой, продукты задерживались на складах, чтобы создать видимость их нехватки. На некоторых стенах, которые правым удалось отвоевать во время предвыборной кампании, было тогда начертано «Альенде — хаос».

Группки хорошо одетых в траур дам проводили в центре города демонстрации, они размахивали черными носовыми платочками и, рыдая, вопили: «Спасите нас от коммунизма!» Им невозможно было не посочувствовать. Впрочем, им никто не угрожал, и никто их не заставлял покидать страну. В одну ночь из всех магазинов исчезла туалетная бумага — вклад в «хаос» самого Хорхе Алессандри: он был владельцем «Папелара де Пуэнте Альто» и монополизировал все бумажное производство в стране.

Эти недели между выборами и голосованием в конгрессе были такими напряженными, что работать стало просто невозможно. Часто занятия прерывались, и преподаватели, студенты, служащие университета отправлялись на площадь Конституции, где собирались представители всех профсоюзов Сантьяго: мы должны были показать, что народ не даст себя обмануть, что его кандидат победил на демократических и свободных выборах — чилийская олигархия уважала демократию лишь до тех пор, пока сама ходила в победителях.

В страну начали просачиваться агенты ЦРУ. Был раскрыт заговор с целью убийства Альенде, а полиция поразительно медленно реагировала на выходки правых террористов. Все же в христианско-демократической партии победили настроения ее левого крыла, и было решено поддержать в конгрессе Альенде.

Утром 22 октября, за два дня до решающего голосования, была предпринята попытка похищения генерала Рене Шнейдера. Он ехал из дома к центру города, когда в его машину врезались три автомобиля. Генерал выхватил пистолет, в этот момент в него выстрелили. Похоже было, что похитители — группа правых террористов — то ли запаниковали, то ли перепутали приказ.

Виктор в это время был на гастролях в Перу и услышал о похищении по радио. Новости подавались в типично искаженном виде: с ходу высказывались предположения, что покушение организовано «левыми», вывод — это результат избрания Альенде. Виктор сократил программу гастролей и первым же самолетом вылетел в Чили. Он вошел в дом утром 24 октября, как раз вовремя: по радио передавали сообщение о том, что конгресс утвердил Сальвадора Альенде в должности президента.

В это время врачи боролись за жизнь генерала Шнейдера. Народ был настолько озабочен состоянием его здоровья, что решение конгресса никак не праздновалось. До 26 октября, дня смерти генерала, люди несли круглосуточное дежурство у госпиталя. Хоронили генерала как национального героя. За гробом вместе с Альенде шли Алессандри и Фрей, и мы не могли избавиться от вопроса: а не участвовали ли в заговоре двое последних? Главнокомандующим назначили генерала Карлоса Пратса, он назвал себя сторонником «доктрины Шнейдера» и заявил о преданности демократически избранному президенту.

Третьего ноября, когда Альенде официально принял бразды правления и перебрался во дворец Монеда, состоялся невиданный культурный фестиваль. В центре Сантьяго построили двенадцать сцен, и на них шли представления, в которых выступали все выдающиеся коллективы и солисты. Не только уже зарекомендовавшие себя политически активными артисты, но и Симфонический оркестр, Филармонический оркестр, Национальный балет, труппа Института театра, поэты, хоры, комические актеры, оперетта, клоуны, поп-певцы, фольклорные группы и, конечно, участники движения Новой чилийской песни.

Это было потрясающее событие. Улицы закрыли для автотранспорта, и весенний ветер блуждал по городу. Всюду была музыка, аромат жарящихся пирожков, орехов, печеного на углях мяса, и гром аплодисментов эхом проносился от одной сцены до другой.

На огромной сцене на площади Конституции «Народный балет» впервые выступал в одной программе с Национальным балетом. На этой сцене пел и Виктор. И когда Виктор объявил, что сейчас он споет песню, посвященную «нашему товарищу Президенту», на балконе дворца Монеда, расположенного на другом конце площади, появился Альенде, он поднял руку над морем людей: он салютовал Виктору.

С этого момента наша жизнь стала неотделима от политики. Когда дела у правительства Народного единства шли хорошо, мы были счастливы, когда плохо — мы чувствовали себя плохо: настолько остро ощущали мы себя частицей великого множества борцов. Вся та работа, которую мы с Виктором прежде вели каждый в своей сфере — вопреки трудностям, сопротивлению, обвинениям в «подрывной деятельности»,— стала вдруг политической работой. И эта работа совпадала с официальной политикой правительства. Как будто дверь, в которую мы так настойчиво рвались, внезапно распахнулась, и мы оказались на другой стороне, ошеломленные, но свободные. Это было потрясающе, но к этому поначалу трудно было привыкнуть.

Виктор вдруг на время перестал писать. Он так долго создавал песни протестующие, песни — призывы к борьбе, что сейчас ему трудно было переключиться на создание песен иного характера. Требовалось время, чтобы привыкнуть к новым условиям, впитать изменившуюся атмосферу. Но как только это произошло, он начал создавать новые песни — одну за другой.

Свой новый альбом, изданный ДИКАП в апреле 1971 года, он назвал «Право жить в мире». В записи приняли участие Анхель Парра, Патрисио Кастильо, ансамбль «Инти-Иллимани», а также Селсо Гарридо Лекка, выдающийся композитор, преподаватель нашего факультета. Участвовала даже поп-группа «Лос Блопс»: в двух песнях они аккомпанировали Виктору на электрогитарах и синтезаторе. В те времена все были счастливы работать вместе, в атмосфере, лишенной соперничества и конкуренции. Они приободряли, критиковали друг друга, не боясь задеть ничьи авторитеты.

Тысячи студентов отправились на летние каникулы в деревни, чтобы помочь крестьянам собрать урожай, включились в кампанию по ликвидации неграмотности, а «Народный балет» вместе с другими артистами путешествовал по стране на агитпоезде.

В кабинете министров — рабочие, ударную полицейскую «групо мовил» упразднили, и водометы, которыми раньше полиция разгоняла демонстрации, были переданы в кварталы бедноты — водоснабжение там оставляло желать лучшего. Началась выдача бесплатного молока детям, мы надеялись, что так, постепенно, покончим с голодом. Многие дети и даже взрослые впервые смогли увидеть море, потому что правительство построило лагеря на побережье для летних отпусков. Это было время оптимизма, мы верили, что сможем достичь всего, и оппозиция отступила.

Я помню одну фразу, которая очень точно передавала дух того времени. Ее произнес, по-моему, Луис Корвалан. Он сказал: «Это ваш дом...», то есть настало наконец время, когда рабочий люд по-настоящему овладел своей страной. Это была их страна, они наслаждались ею, и они отвечали за нее. Виктор очень любил эту фразу и даже написал для нее музыкальный мотив.

Наши чувства выражал и рисунок, на котором был изображен оборванец — «рото», говорящий своему приятелю: «Даже смог теперь пахнет цветами!» И еще один рисунок: двое аристократов — «питуко» обмениваются замечаниями: «Так что, они не собираются нас расстреливать?» — «Все гораздо хуже, они собираются заставить нас работать!»

Виктор писал: «Я желал бы, чтобы силы мои удесятерились, потому что надо делать в десять раз больше, чем я делаю. Мы получили чудесную возможность создать социалистическое общество мирным путем, и мы не должны упускать эту возможность... На нас смотрит весь мир». Он создавал песню за песней. Одна из них называлась «Ни то ни се», в ней Виктор высмеивал тех, кто «сидел на заборе», не решаясь присоединиться к Народному единству. Насмешливый голос Виктора несся по радиоволнам, в саркастическом припеве он высмеивал «хлюпиков», призывал их присоединиться к тем, кто «знал, где подгорает картошка»,— в Чили эти слова означают «где все происходит». Песня понравилась, люди хором ее распевали.

Летом мы вместе с Виктором перевели песню Мальвины Рейнольдс «Маленькие коробочки». Виктор адаптировал ее к чилийским условиям (она стала называться «Домики в «баррио альто»), и эта довольно мягкая сатирическая песня, в оригинале высмеивающая жизнь в виллах Сан-Франциско, превратилась в саркастический рассказ о жизни в роскошном квартале Сантьяго. В конце он добавил еще один куплет, который повергал дотоле просто посмеивавшуюся публику в состояние шока: он пел о правых гангстерах, любимым спортом которых было убийство генералов. И слова эти резко контрастировали с легкомысленной, напоминавшей польку мелодией. Позже Мальвина с одобрением отозвалась о «политическом росте» ее песни. Виктора попросили написать новую музыку для позывных национальной телепрограммы, и вот с 1971 года до 10 сентября 1973 года зрители седьмого канала слушали музыку Виктора, хотя, может быть, и не все об этом знали. Потом эту мелодию, ее назвали «Чарагуа», записали на пластинку «Инти-Иллимани», и она вошла в десятку лучших в таблицах популярности.

Я очень хорошо помню еще одно событие того времени: самый большой сбор гостей, который когда-либо бывал в нашем доме. Мы пригласили всех друзей, чтобы отметить окончание строительства студии в нашем дворе: нам нужно было место для занятий и репетиций. Мы жарили на костре мясо, пили вино... Ночь была такой звездной, какой может быть ночь только в Чили. И впереди столько отличных возможностей, столько работы. Нам было что праздновать.

С тех пор как Виктор ушел с поста режиссера Института театра, нам пришлось туговато с деньгами. Технический

университет предложил идеальное решение: вместе с другими артистами и группами, такими, как Изабель Парра, «Инти-Иллимани», «Килапаюн» и «Кункумен», Виктор будет получать скромную заработную плату, но за это участвовать в обширной университетской культурной программе, ездить по всем университетским подразделениям и колледжам, разбросанным по стране, а также выступать на принадлежащей университету радиостанции. Студенты и преподаватели ГТУ — Государственного технического университета — участвовали в кампании по ликвидации неграмотности, сотрудничали с местными профсоюзными организациями: преподавали на курсах по вождению и ремонту тракторов, по агрономии и лесному хозяйству, по оказанию первой медицинской помощи. Университет также готовил руководителей самодеятельных фольклорных коллективов, любительских театров и так далее.

А на нашем факультете меня встретили новые студенты, я тоже работала по новой программе, что налагало на меня огромную ответственность, ибо наши выпускники должны были потом работать непосредственно с народом, учить и взрослых и детей.

Программа, которая называлась «Искусство для всех», предусматривала выступления балетных трупп, оркестров, ансамблей народной музыки, театральных коллективов, мимов, чтецов в рабочих пригородах Сантьяго. Для этой цели устанавливали цирковые шатры или сколачивали подмостки на открытом воздухе. Некоторые критиковали эту культурную политику, называли ее патерналистской, потому что вот, говорили они, являются эти артисты в рабочие кварталы прямо как небожители, выступают несколько дней, а потом уезжают, а те, кто остался, оставались с чувством мимолетности чужой красивой жизни. Возможно, нечто подобное и было, но ведь надо было с чего-то начинать, и уже были в работе более долгосрочные программы, подобные той, в которой была занята я сама, и эти программы давали надежду на настоящее участие народа.

Да и сама атмосфера факультета тоже переменилась: возникло чувство товарищества — между солистами балета и мальчиком-лифтером или женщиной, которая мыла пол; между студентами и преподавателями. С приходом к власти правительства Народного единства прежний реформистский дух обогатился новым пониманием общества и роли, которую призван играть в нем университет.

В первую же зиму эти настроения подверглись проверке. Однажды вечером в июне, самом холодном месяце, над горами собрались темные тучи и ночью разразилась страшная буря, хлестал холодный дождь. Хорошо было в такую ночь лежать в теплой постели и слушать, как дребезжат на ветру ставни, но мы знали, что в кварталах бедноты ветер срывал крыши с самодельных хижин, что целым семьям негде было укрыться от дождя, что жалкое их имущество уничтожено. А если Мапочо выйдет из берегов, хижины унесет потоком. Это случалось каждую зиму: дети замерзали насмерть или умирали от пневмонии; так случалось из года в год, и, помимо благотворительности — бестолковой раздачи старых одеял,— никакие меры не принимались.

Но теперь, при народном правительстве, все должно быть по-другому. И так было. Правительственные организации, профсоюзы и университеты были мобилизованы на оказание первой помощи жертвам урагана. Спасательные работы координировались таким образом, что каждый факультет отвечал за свой район. Студенты Технического университета сооружали дома-времянки, колонки, руководили рытьем дренажных канав, и даже музыканты и танцоры предоставили свои непривычные к такой работе руки.

Как всегда, когда облака разошлись, мы увидели, что горы покрыты сверкающим снегом, и с вершин на Сантьяго обрушился мороз. Весь факультетский транспорт был мобилизован на подвоз продуктов и парафина для печек, в машины погрузились и спасательные команды, но когда мы подъехали к отведенному нам району Ренка, выяснилось, что пройти могут только джипы: район лежал в низине, и дороги превратились в непролазное месиво грязи. Ураган разрушил хижины, и люди укрылись в единственном каменном доме — в церкви.

Было принято решение эвакуировать детей в здание факультета и устроить из балетного зала спальню. Это решение, такое простое и логичное, было дотоле неслыханным и почти революционным.

Все было организовано замечательной женщиной, звали ее Куэна. Она принадлежала к той небольшой группе выходцев из аристократических семей, которые стремились к революционным преобразованиям в стране. Это была красивая женщина, но всегда взъерошенная. Куэна любила крепкие словечки и ходила в куртке и старых брюках. В юности она провела несколько лет в сельской местности, трудилась как простая крестьянка на ферме, путешествовала по всему миру, сама зарабатывая себе на пропитание,— от поддержки семьи она отказалась. Теперь она работала администратором балетного отделения.

В закрытый мирок балета вторглись дети, оборванные, истошно орущие, дети, которые никогда не видели ни обыкновенных ванн, ни туалетов. Многие из них болели дизентерией. Они были грязными, голодными, испуганными. Впервые в наш комфортабельный мир ворвалась настоящая трагедия нищеты, и, я уверена, для многих моих коллег это был полезный опыт: мы не представляли себе, что значит просто заботиться об этих малышах, видеть, как жадно они поглощают пищу, видеть, что после того, как их вымыли, постригли, вычесали вшей, они превращались в таких хорошеньких детишек.

Виктор написал песню об одном из малышей, вывезенных в здание факультета. Лукин был болен плевритом, и у его постельки дежурили день и ночь. Куэна нашла его в один из своих походов в нищий квартал: грязный маленький комочек, он лежал на земляном полу хижины, где жила вся его многочисленная семья. Здесь же стояла единственная опора семьи, ее гордость и богатство — лошадь. Лукину было около года, но он казался еще меньше, он нуждался в длительном лечении, так что Виктор и я взяли его к себе и ухаживали за ним несколько недель, а потом с согласия родителей его усыновила Куэна [1].

Хрупкий и несуразный
в бедном предместье жалком
Лучито, мальчонка грязный,
по смрадным ползает свалкам.
В тряпичный мяч замарашка
играет день напролет.
Друзья Лучито — дворняжка,
худая лошадь и кот
Глаза его детские вяло
мерцают зеленью робкой.
Знакомы все лужи квартала
с его бесштанною попкой.
Друзья Лучито — дворняжка,
худая лошадь и кот.
С мячом своим замарашка
к ним поиграть ползет.
Худая лошадь мальчонку
добрым ласкает взглядом,
словно бы жеребенка,
который топчется рядом.
Ей нравится замарашка
с мячом тряпичным, и кот,
и даже ворчунья дворняжка,
которая спать не дает.
Глина, жуки и корни
служат Лучито пищей.
Когда мы птенцов накормим,
нашей родины нищей!..
Лошадь, кот и дворняжка,
грязный тряпичный мяч.
А рядом спит замарашка.
Тоска такая — хоть плачь!

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

---

[1] *Песня «Лукин» была опубликована в «Ровеснике», № 9 за 1980 год в переводе П. Грушко.— Примеч. ред.*

НУЖДА НА СЛУЖБЕ ИСКУССТВА. История произошла просто сказочная. Джон Макклинток, наследник благороднейших кровей и более чем скромного состояния, в поисках презренного металла, крайне необходимого для оплаты долгов, решил продать что-нибудь из фамильных реликвий. Он перерыл все порядком обветшалое поместье, пока в библиотеке на глаза ему не попалась папка с пожелтевшими листами — какие-то письма и партитуры... Не возлагая особых надежд, наследник показал находку знающим людям, представляющим в Дублине знаменитую лондонскую фирму предметов искусств Кристи. Представитель заинтересовался тут же, поскольку в отличие от беспечного Макклинтока сразу разглядел на рукописях подписи Мендельсона, Шумана, Листа, Россини. В Лондоне потрясение было еще больше: специалист определил, что одна из рукописей — считавшаяся навечно исчезнувшей партитура мессы Франца Йозефа Гайдна. Собственно, это первая часть мессы (вторая, как полагают, сгорела в пожаре), и о ее существовании знали лишь из дневника современника. Теперь музыкальный мир ждет премьеры произведения, написанного в 1768 году.

КОНЦЕРТЫ В ЛОНДОНЕ. «В конце концов, у нас тоже есть хорошие коллективы: например, одновременно с трио Ганелина в городе играл и Лондонский оркестр джазовых композиторов» — так успокаивающе закончил обозреватель еженедельника «Нью мюзикл экспресс» свою рецензию на состоявшиеся в Лондоне выступления вильнюсских джазменов. Вся же она была построена по принципу некоторых музыкальных пьес — «быстро, быстрее, еще быстрее». Судите сами: «Ганелин — выдающийся пианист, его джазовое мышление чрезвычайно оригинально. Саксофоны Владимира Чекасина способны исторгать звуки, на которые способны только его саксофоны. А уж Тарасов как ударник — выше всяких похвал. Их собственные композиции полны новых идей...» Для любителей джаза напомним список пластинок трио, выпущенных фирмой «Мелодия»: «Con anima», «Concerto grosso», «Poi segue», а также «Opus A2» — дуэт Ганелина и Тарасова.

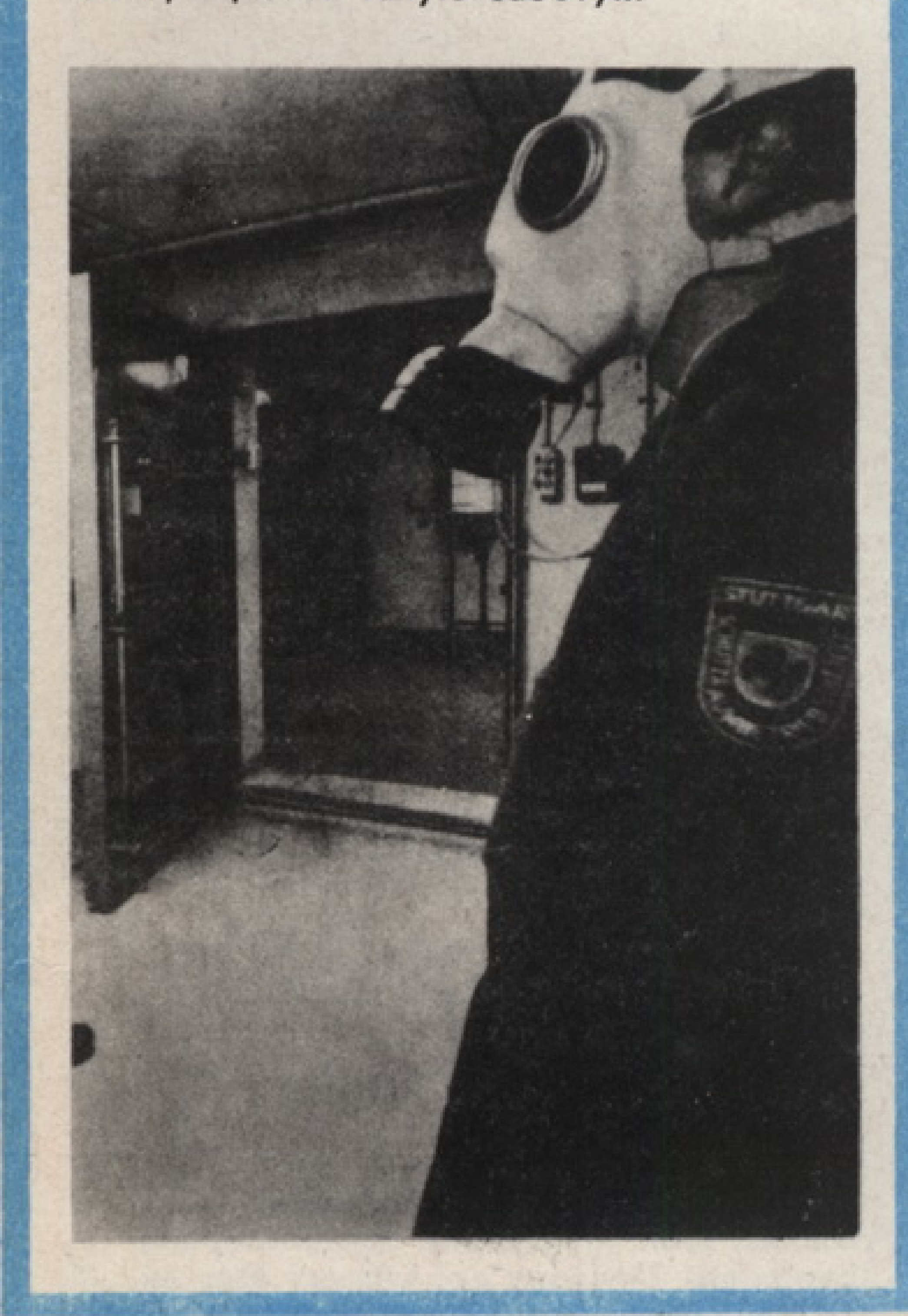
О ПОЛЬЗЕ НАИВНОСТИ. Шлиман, как известно, открыл Трою, проявив мудрую наивность: он предположил, что все описанное Гомером должно соответствовать истине. Примерно так же поступили двенадцать неаполитанских школьников и их руководитель, специалист по микенской культуре: пересчитав критские города, упомянутые в «Илиаде», и те, что известны нам, они обнаружили, что недостает одного. Сопоставив надпись на ранее найденном осколке с текстом «Илиады» и названиями современных населенных пунктов, юные археологи определили место раскопа. И они не ошиблись: древнее поселение было найдено! Особый интерес среди находок вызвала модель храма — 40 на 40 сантиметров с фигуркой кошки внутри (найденной, правда, без головы), которую критяне почитали, по всей видимости, так же, как и жители Древнего Египта.

КАКОЕ НЕБО ГОЛУБОЕ! 5 ноября прошлого года из Будапештского музея искусств были украдены семь шедевров живописи, среди которых картины Рафаэля, Тинторетто. Хотя венгерская полиция располагала более чем скромными уликами — оброненная отвертка да капля крови преступника, поранившего палец, ей удалось благодаря в том числе содействию греческих властей и Интерпола в течение считанных недель найти и грабителей и картины. Итак, грабители, в основном это итальянцы, члены одной из банд, на которых на Западе держится доходный бизнес организованной преступности, арестованы. Но остался на свободе тот, кто заказывал всю эту «музыку»: картины должен был купить некий греческий миллионер, «король олив» Ефтимиос Москохлаидис. Но против «короля» пока что нет достаточных для ареста улик. Миллионер об этом знает и потому не без пафоса восклицает: «Я чист, как голубое небо над Эгейским морем! Рафаэль? Это имя я слышу впервые!»

ВНУТРИ И НА ПОВЕРХНОСТИ. Западногерманская пресса пишет о глубокой продуманности сверхглубоких атомных бункеров, которые сооружаются под землей темпами, не меньшими, чем на этой же земле устанавливаются американские ракеты «Першинг». Если учесть, что строят все же не загородные клубы, то все выглядит очень комфортабельно: и сами жилые помещения, и душевые, и кухни с двухнедельным запасом весьма недурной еды. Все продумано в будущей жизни трех процентов населения, которые не только имеют шанс уцелеть, но и подавать наверх для оставшихся 97 процентов всякие ценные указания. Вопрос лишь в том, в состоянии ли будут те, что останутся на поверхности, оценить такую заботу...

НА ОШИБКАХ УЧИМСЯ! В начале года в списках литературных бестселлеров Франции появилась книга Ги Бештеля и Жана-Клода Карьере «Словарь глупостей». 35 лет ее авторы собирали различные описки, ошибки, благоглупости, ляпсусы и нелепости, принадлежавшие перьям классиков, великих и просто известных авторов. «Словарь» имеет несколько глав: неоправдавшиеся теории, нелепые гипотезы и прогнозы, предвзятости и ошибочные оценки. Пожалуй, наибольшее внимание читателей привлек раздел литературных «ляпов». Вот некоторые примеры: «...Насупившись, она ела свой суп, не раскрывая рта»,— пишет Эмиль Золя в «Ошибке аббата Муре». Примерно то же состояние духа по-своему передает Альфонс Доде: «Молча, скрестив на груди руки, глядит он на них, оценивает и громогласно выносит свой суд». Довольно часто, судя по собранным примерам, доставалось от классиков арифметике. Вот подсчет Ги де Мопассана: «Они шли 11 часов, что с 2 часами отдыха составило уже 14». Дюма в «Трех мушкетерах»: «Он провел час не дыша». Вообще стремление к предельной точности не раз подводило маститых. «Труп стражника,— сообщает Александр Дюма,— был совершенно мертв». Обладая буйной фантазией, этот автор, похоже, не очень-то доверял воображению читателей: «А-ааа!» — вскричал по-португальски дон Мануэль»,— писал Дюма, будто мы и так не догадались бы, что по-португальски. А?

КОНЦЕРТЫ В РИМЕ. Марио Бортолотто в журнале «Эуропео» (Милан): «С примерной пунктуальностью, но все ж неудовлетворительной для нетерпения истинных любителей музыки, вновь в Италии звучит «Квартет Бородина». Годы идут и для этого блестящего коллектива из России, хотя они ничуть не приглушили его чудесного звучания. Сегодня престиж «Квартета Бородина» в мире инструменталистов необычаен. Каждый из четверых исполнителей в своем стремлении к совершенству достоин друг друга. Нет, нечасто услышишь состав, где вторая скрипка ни в чем не уступает первой, где столь виртуозен альт, где так солирует виолончель... Нечасто услышишь столь же пронзительную, неуступчивую к легковесной чувствительности стройность, как в музыке этого квартета...»

ГОДЫ ДО И ПОСЛЕ МОДЫ. Уже сколько веков своевольничает и капризничает мода; неудивительно, что у людей строгого склада ума не раз появлялось желание дознаться до природы этого вздорного непостоянства. Если не принимать во внимание мелочи, предложил недавно один английский математик, можно считать, что объекты моды при движении во времени и пространстве остаются неизменными, зато меняется наше отношение к ним. При этом предмет на пути к апогею успеха проходит следующие фазы: по крайней мере, за пять лет до предстоящего торжества модель кажется нам вопиюще безнравственной, за три — безобразно крикливой, за год — отчаянно дерзкой. Год спустя после пика мы считаем ее безвкусной, через три — безобразной, через 10 — комичной, лет через 30 — оригинальной, хотя несколько не в ладах с общепринятой моралью...

МОДА БЕЗ ГОДА! Теория, как видите, совсем неплоха. Как, впрочем, и всякая другая теория на этот счет, поскольку мода щедро предоставляет материал для доказательства любой теории. Опере Бизе «Кармен» 109 лет, не сосчитать предпринятых с той поры постановок, балетных и драматических версий. Было снято также 30 фильмов с участием таких звезд, как Чарли Чаплин, Гарри Белафонте, Долорес дель Рио, Жан Маре, Рита Хейорут и прочие. Недавно появился совсем новый фильм режиссера Франческо Рози... Впрочем, заметка эта не о моде на «Кармен», а о моде на стиль «а ля Кармен». Не очень-то ясно, как укладывается эта мода в схему английского математика; разве что капризы ее «остаются неизменными во времени и пространстве»?! Так ведь это не новость.

ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

Приключенческая повесть

Дж. ФИЛЛИПС,
американский писатель

Рис. И. АЙДАРОВА

Коттер не мог оправиться от изумления:

— «Калигула»! Но ведь таких имен не бывает!

— Конечно, это не его имя,— ответил Скэтбек.— Этот парень смеялся, когда называл его мне. Но мы не задаем лишних вопросов. Если человеку хочется называть себя именем развратного римского императора, это его дело. Итак, Марция и Калли ушли от нас, потому что мы не хотели, чтобы они оставались.

— А теперь Марция убила Мака Креншоу?

Скэтбек медленно кивнул.

— После убийства полиция привела меня в морг: «Не из вашей ли коммуны эта мертвая девушка?» Я мог честно ответить, что нет. Не знаю ли я, кто она такая? Я мог честно ответить, что нет. Год назад она называла себя Марцией, но я не знал тогда и не знаю сейчас, кто она такая.

— Вы не видели ее до убийства?

— Нет. В то утро мы отозвали всех на ферму. Думаю, Марция появилась в городе уже после того, как все наши люди собрались здесь.

— А Калли, юноша?

— После Кливленда мы с ним не встречались. Марция ради него была готова на все. Калли мог стоять за убийством Мака Креншоу, или бедная девушка нашла себе другого хозяина.

— Вы можете описать Калли?

— Длинные каштановые волосы, борода, джинсы, кожаный пиджак. Типичный образ. Требуется время, чтобы отличать их друг от друга. Калли не был в городе ни до, ни после убийства.— Черные глаза превратились в узенькие щелочки.— Конечно, он мог сбрить бороду, постричься, купить костюм в шикарном магазине, и я не узнал бы его, стоя в двух шагах. Но если бы я услышал его голос, все стало бы ясно... Это головоломка, и мы должны ее решить. Чтобы спасти Магги.

Продолжение. Начало см. в № 5—8 за 1984 год.

И этот странный, искрящийся жизнью человек начал решать головоломку, вышагивая взад и вперед перед камином, как профессор, читающий лекцию. А блондинка, бородатый юноша и Коттер составляли его класс.

— Давайте суммируем то, что нам известно, хотя этого чертовски мало. Девушка, которую мы знали как Марцию, убила Мака Креншоу. Она не имела никаких убеждений, испытывала постоянный страх перед действительностью и подавляла его с помощью наркотиков. Она могла стать орудием человека, завладевшего ее вниманием. Например, такого, как Калли. Но за год она могла найти и кого-то еще. Мак приехал в Брунсвилл для проведения предвыборной кампании сенатора Фаррадея. Поэтому его убили? Мог ли он иметь настолько компрометирующие материалы, что соперники Фаррадея решили его убрать?

— Мак работал у сенатора один месяц,— ответил Коттер.— Фаррадей знал бы о существовании подобной информации. Но ему ничего не известно. А разве Магги могла бы забыть что-то важное, происшедшее за последний месяц?

— Маловероятно,— согласился Скэтбек.— В Брунсвилле есть люди, которые не хотят победы сенатора Фаррадея на праймериз. Например, Лестер Оуэн. Но убийство Мака могло лишь помочь Фаррадею. Бывший сенатор Клиари ненавидел Мака, он мог бы поджечь фитиль. Но возникает еще один вопрос. Дело Клиари закончено. Материалы процесса стали достоянием общественности. Станет ли Клиари или его друг Оуэн что-то искать в офисе Мака и квартире Магги?

— Не вижу в этом никакого смысла,— ответил Коттер.

— Поэтому будем считать, что предвыборная кампания Фаррадея не причина для убийства, так же как и месть Клиари. Но обыски косвенно указывают на связь убийства с деятельностью специального прокурора.

— Мак передал все дела другому сотруднику Ларкина.

— «Человек, стоящий за этим выстрелом» мог этого не

знать,— возразил Скэтбек.— Или мог подумать, что Мак недавно получил новую информацию.

— Но Магги знала бы об этом. И Ларкин тоже.

— Пойдем дальше, Дэвид. Судя по всему, за этим выстрелом стоит не один человек. Скорее целая организация. Вероятно, Мак мог разоблачить их преступную деятельность. Поэтому они решили сначала его убрать, а потом найти компрометирующие материалы. И Магги не имеет понятия, о чем идет речь?

— Абсолютно.

— Ответ прост, Дэвид. Вы недооцениваете Магги. У нее отличная память. Она не может ничего вспомнить, потому что ничего не знает. И ничем не сможет помочь тем, кто ее выкрал.

— Но почему Мак ничего не сказал ей о столь важном деле? — спросила Патти Прентис.

— Возможно, это очень личное дело. Касающееся его жены, отца, брата.— Глаза Скэтбека ярко сверкнули.

Коттер не отрываясь смотрел на него. Он чувствовал, что тот на пороге разгадки.

— По странному совпадению,— неторопливо произнес Скэтбек,— у Росса Креншоу есть своя «армия».

— Ну ты и загнул, Скэт,— хмыкнула Патти.— Ты полагаешь, что Мака убили по приказу его отца?

— Марк Аврелий, добрый римский император,— продолжал Скэтбек.— А затем был Калли... Калигула, злой дух Рима. Что вам известно о Вильяме Креншоу, Дэвид?

— Он ушел из дома несколько лет назад. Вечно попадал в неприятные истории. Восемь месяцев назад вернулся. Блудный сын. Когда Мак перешел к Фаррадею, начал ему помогать.

— Когда Калли и Марция присоединились к нашей группе в Кливленде, среди нас был Артур Остин, агент ФБР. Возможно, две недели назад Артур вновь увидел Калли и узнал его в новом обличье. А тот решил, что Артур слишком много знает...

— Выдумки! — возразила Патти.— Ты утверждаешь, что Калли — Билл Креншоу и он уговорил Марцию застрелить своего брата? Это же ерунда, Скэт. Билл Креншоу убил Марцию, пытаясь спасти Мака.

— Или чтобы заставить ее замолчать навсегда. Росс Креншоу убил бы собственную мать, если бы это помогло ему добыть лишний баррель нефти,— сказал Скэтбек.— Есть способ развеять наши сомнения. Мне нужно поближе взглянуть на Билла Креншоу и услышать его голос. Тогда я смогу определить, действительно ли он — Калигула.

Версия Скэтбека пока не имела доказательств, но по меньшей мере показывала, куда надо идти.

— Мне не надо говорить вам,— продолжал Скэтбек,— что Магги покинула «Гейтвей» с человеком, которому доверяла. Она могла бы уехать с Креншоу?

— Могла.— Коттер не узнал своего голоса.— Если бы они сказали, что я в опасности, или попросил их привезти ее ко мне. Росс и Билл — семья Мака. Магги и представить не могла, что они... Я сам не могу поверить...

— Поверите, если мы найдем доказательства, Дэвид. Пока это лишь догадка, но и единственное подходящее объяснение. Империя Старика построена на уничтожении конкурентов. Допустим, он задумал какой-то план, нацеленный против другой корпорации или страны «третьего мира», богатой нефтью. Возможно, этот план шел даже вразрез с интересами Америки или ее союзников. Большой, злобный заговор, несущий смерть и голод жителям какой-то маленькой страны. Россу Креншоу такое не в диковинку. Мак — коронованный принц и наследник. Но порядочный человек. Допустим, его посвятили в планы отца или он случайно узнал о них. Он собирает материалы, доказательства готовящегося заговора. И в какой-то момент идет к отцу и говорит: «Стоп». Но Росс Креншоу не привык подчиняться приказам. Даже полученным от своего сына, будущего президента. Он нуждается в помощи, но куда ему обратиться? Во всяком случае, не к своим наемникам. Нельзя подойти к такому, как Джордж Захари, и сказать: «Я хочу избавиться от своего сына». Его будут шантажировать до конца жизни и вытрясут последний грош. Но есть некто, ненавидящий Мака, завидующий его успехам, славе, популярности. Билл, нелюбимый сын, ушедший из дому, Калигула, Калли.

— Боже всемогущий! — пробормотал Коттер.

— А у Билла есть оружие, которое никто и никогда не свяжет с именем Креншоу. Неуравновешенная, помешанная на наркотиках Марция.

— Старик убедил Мака оставить работу у специального прокурора и перейти к сенатору,— заметил Коттер.— Чтобы начать подготовку к собственной предвыборной кампании, до которой оставалось восемь лет.

— И подставить Мака под пулю убийцы,— добавил Скэтбек.— Все было тщательно спланировано, и никто на свете, даже ваша Магги, не смог бы догадаться, в чем дело. Мак застрелен. Билл — герой, опоздавший на долю секунды, чтобы спасти брата. И позаботившийся о том, чтобы Марция не сказала ни слова. А что, если Мак рассказал обо всем кому-то еще или поручил кому-то хранить компрометирующие материалы, чтобы обезопасить себя? В первую очередь они думают о его личной секретарше... Они пытаются выяснить, знает ли она. Они следят за ней. И тут на сцене появляетесь вы. Могла ли Магги сказать вам? Ваш человек, Кристи, убит теми, кто следил за ней, потому что Кристи кого-то узнал. Билла Креншоу?

— Джордж Захари, глава службы безопасности Креншоу, был в это время в Вашингтоне,— ответил Коттер.— Кристи вышибли из полиции за то, что однажды он слишком резко обошелся с Захари.

— Мне кажется, Дэвид, теперь становится ясно, что именно Росс Креншоу стоит за всем происходящим. Итак, они не нашли доказательств. Ни в офисе Мака, ни в квартире Магги. Будьте уверены, они облазили дом в Вирджинии от подвала до чердака. У них остается последняя надежда. Магги абсолютно предана Маку. Возможно, она ничего вам не сказала. Возможно, она следует полученным от Мака инструкциям на тот случай, если с ним что-нибудь произойдет. Они не могут идти на такой риск. Они должны увезти ее и заставить говорить, если она что-то знает.— Лицо Скэтбека казалось высеченным из черного мрамора.— И они не смогут отпустить ее, Дэвид, потому что теперь ей известно, кто убил Мака. Можно лишь надеяться, что мы найдем ее до того, как будет слишком поздно.

Глава 3

Коттер лихорадочно думал, что же делать.

— Вот что! — воскликнул Скэтбек.— Мне надо увидеть Билла Креншоу и услышать его голос, чтобы выяснить, действительно ли он — Калли. И необходимо узнать, что же унюхал Мерфи. Но мы должны идти разными путями, Дэвид. Потому что за открытую связь с вами нам придется дорого заплатить.— В голосе Скэтбека послышалась горечь.— В этом городе не так уж и сложно устроить над нами суд Линча. Людям Креншоу достаточно лишь высечь искру, а Лестер Оуэн и его друзья быстро раздуют пламя. И нам придется защищать себя, вместо того чтобы искать Магги.

Коттер направился прямо в заведение Хантера. В баре было полно народу: приехавшие со всей страны журналисты превратили зал в свою штаб-квартиру. Дэвид позвонил настоящей миссис Хартман и коротко обрисовал сложившуюся ситуацию:

— Попробуйте связаться с Гвен Креншоу, вдовой Мака. Скажите ей, что мне необходимо немедленно встретиться с Биллом или Россом. Что в Брунсвилле я нашел нечто очень важное. Я позвоню попозже. Не тяните с этим, Джулия.

Положив трубку, он вернулся к бару. Оставалось лишь сидеть и ждать, а в это время где-то мучили Магги. А может, с ней уже разделались?

За стойкой стоял сам Хантер.

— А я гадал, когда же вы снова заглянете к нам, мистер Коттер,— сказал он, почти не разжимая губ.

— Вы знаете, кто я такой? — удивился Коттер.

— Приходится знать, с кем имеешь дело,— Хантер делал вид, что вытирает стойку.— Мерфи — мой друг... и ваш.

— Откуда вам это известно?
— Он звонил вам в Вашингтон из моей комнаты. Я слышал, как он говорил насчет запахов лимбургского сыра.
— Он сказал вам, что именно так пахнет?
— Он сказал мне, что вы человек Фаррадея. Он думал, что напал на след.
— Кого?
— Мартина Клиари,— ответил Хантер.
— Бывшего сенатора? Слишком очевидно, мистер Хантер. Всему миру известны его отношения с Маком Креншоу. Если бы было малейшее подозрение, ФБР сцапало бы его в первую очередь.— Коттер был разочарован.
— Джек уже здорово набрался, когда звонил вам,— продолжал Хантер.— Но старался протрезветь к вашему приезду. Он многое рассказывал мне, потому что доверял. И я дорого бы дал, чтобы человек, избивший Мерфи, понес наказание. Он говорил о Клиари, но не потому, что бывший сенатор готовил убийство Мака. «Ты просто представить не можешь, что за друзья у крошки Мартина. Тебя не интересовало, почему он так богат, особенно теперь, когда его вышвырнули из Вашингтона? Сейчас он никому не нужен и тем не менее становится все богаче».
— Становится богаче?
— Мак Креншоу доказал, что Клиари взяточник. Добился его изгнания из сената. И сразу после этого Клиари купил неподалеку отсюда поместье. Оно стоит не меньше ста пятидесяти тысяч. А сколько ушло на то, чтобы привести его в порядок? У него там слуги. А раньше он был всего лишь бедным адвокатом. И вдруг сорит деньгами, как миллионер.
— О чем говорят городские сплетни? — поинтересовался Коттер.
— Кто-то ему платит,— ответил Хантер.— Он живет в своем поместье, нигде не работает, но деньги сыплются ему в карман. Мерфи сказал, что если б я знал, кто друзья Клиари, то перестал бы ломать голову над этой загадкой.
— Но Мерфи не уточнил, кого он имел в виду?
Хантер покачал головой.
— Может, он имел в виду какую-то шишку из Вашингтона?
— По-моему, да,— ответил Хантер.— Все деньги мира находятся в Вашингтоне или контролируются Вашингтоном. Возможно, какой-то шантаж. Очень похоже на Клиари.— Хантер застыл над стойкой.— Извините,— продолжал он,— но у нас много работы. Молодой Креншоу собирается провести здесь пресс-конференцию.
Коттер мгновенно обернулся. Билл Креншоу, застенчиво улыбаясь, шел к группе репортеров. Детектива охватила ярость. Этот улыбающийся гад знал, где находится Магги и что с ней делают. Больше всего на свете ему хотелось схватить Билла за горло и заставить сказать правду. Он даже сделал шаг вперед, но тут чьи-то пальцы сомкнулись на его локте. Коттер оглянулся и увидел юношу в фартуке официанта.
— Спокойнее, Дэвид,— сказал тот,— Скэт не может зайти сюда. У него слишком черное лицо. Когда Креншоу выйдет на улицу, постарайтесь заговорить с ним о чем-нибудь. Скэт будет слушать, и тогда мы все узнаем наверняка.
Коттер направился к выходу. Скэтбека нигде не было видно, но Коттер заметил Патти, выглядывающую из окошка маленького магазинчика. Прислонившись к стене, он стал ждать.
Могла ли Магги уехать с Биллом, спрашивал себя Коттер. И решил, что могла, если тот сказал, что отвезет ее на встречу с Дэвидом. Несмотря на предупреждения Коттера, Магги по-прежнему считала Креншоу цивилизованными людьми.
Справа стоял черный лимузин. Солнечные лучи, отражающиеся в стекле, мешали разглядеть лицо водителя. Но интуиция подсказывала Коттеру, что это автомобиль Креншоу. Он огляделся в поисках Скэтбека. Безрезультатно. В этот момент из дверей вышел Билл. Он не удивился, увидев Коттера.
— Мне показалось, что я видел вас в баре, Дэвид,— сказал он.— Но засомневался, потому что вы не подошли.
— Не хотел вам мешать, но мне надо с вами поговорить.
Билл нахмурился.
— Капитан Шейн сказал, что исчезла ваша секретарша.
Зачем притворяться, подумал Коттер. Они же все знают.
— Это не моя секретарша, а Магги Брэнсон. Я записал ее под другим именем, так как чувствовал, что ей грозит опасность.
Билл согласно кивнул головой.
— Я помню, вы говорили, что за ней кто-то следил, а квартиру и офис перевернули вверх дном. Она не оставила записку?
— Просто уехала, по всей видимости добровольно, с неизвестным мужчиной. Должно быть, он убедил Магги, что приехал по моему поручению.
— О боже, какая получилась каша,— вздохнул Билл.
Ах ты, гадина, подумал Коттер. Взять бы тебя за грудки и вытрясти всю правду. Но сначала надо убедиться наверняка, причастны ли Креншоу к похищению Магги. Где же Скэтбек?
— Я пробуду здесь еще день,— сказал Билл.— Не можем ли мы чем-нибудь помочь? В городе есть люди моего отца... Мы живем в безумном мире, Дэвид. Подкуп и коррупция в бизнесе — скандал с «Локхидом», подкуп и коррупция в политике — Уотергейт. Похищения и убийства — часть повседневной жизни.
А ты и твой папаша большие доки в этих делах, подумал Коттер. Но сказал совсем другое:
— И слишком много людей считает, что так и должно быть. Бизнес, как обычно, политика, как обычно, убийство, как обычно. С этим и хочет бороться сенатор Фаррадей.
— Они всегда говорят, что хотят бороться,— улыбнулся Билл. Но улыбка быстро исчезла с его лица.— Мак, возможно, стал бы исключением, если бы дожил до своего часа.
И вы не могли пойти на такой риск, подумал Коттер. Он весь дрожал, но не от холода, а от ярости. Он еще сведет счеты с этим подлецом. Но не сейчас.
— Если понадобится наша помощь, звоните,— повторил Билл.— А где я смогу найти вас?
— В «Гейтвей»,— ответил Коттер. И тебе прекрасно об этом известно, подумал он.— Или через Уоррена Хантера, хозяина «Хантерс лодж».
— Капитан Шейн сказал, что человек, которого избили, работал на вас?
— Ну, он лишь сообщал мне, как здесь идут дела.
— Он нашел что-нибудь интересное?
— Плохой запах,— ответил Коттер.— Но я не знаю, что именно он имел в виду.
— Похоже, этот город не место для приличных людей.— И, пожав плечами, Билл пошел к автомобилю.
Лимузин резко развернулся, и Коттер лишь успел заметить, что водитель — крупный мужчина. На мгновение он испугался, что они исчезнут бесследно, и уже двинулся к «феррари», но тут из магазина вышла Патти и быстро направилась к нему. Подойдя поближе, она замедлила шаг и прошла мимо, будто не замечая детектива.
— Это Калли,— сказала она.
— Где Скэтбек?
— В десяти ярдах слева от вас узкий проход между домами. Скэт дал мне знак. Не волнуйтесь, один из наших проследит, куда они поехали.
Пока она говорила, по улице на маленьком японском мотоцикле проехал юноша с защитным шлемом на голове. Патти ушла, а Коттер внимательно всмотрелся в темную расщелину, отделявшую «Хантерс лодж» от бакалейного магазинчика. В полумраке он едва различил высокую фигуру Хьюза, в длинном, до пят, пальто и вязаной шапочке.
— Холодно! — пробормотал Скэтбек, потирая руки.— Одна из причин, почему я бросил футбол. Это кошмар, Дэвид. Я мог бы стоять в метре от этой падали и не узнал бы его. Какая одежда! Стрижка! Эти ученые очки! С нами он никогда не носил очки. Но манера разговора не изменилась. Думаю, он будет так же застенчиво улыбаться, вгоняя вам нож между ребер. Вы узнали водителя автомобиля?
Коттер отрицательно покачал головой.
— Солнце отражалось от стекла. Я ничего не видел.
— Джордж Захари. Эксперт Старика по насилию. Он

знает, как заставить человека заговорить. Как прижечь руку сигаретой, вогнать под ноготь деревянный клин...

— Прекратите! — Коттер почти кричал.

— Один из моих друзей попал к ним около года назад. Юноша лет девятнадцати. То, что от него осталось, потом отдали нам. Поэтому я знаю, о чем говорю.

Коттер подумал о Магги, и к горлу подкатил комок.

— У вас есть пистолет,— продолжал Скэтбек. Инстинктивно рука Коттера легла на рукоятку.— Не используйте его, пока не будете совершенно уверены.

— В чем?

— Что ваша женщина мертва. В мире Захари вы можете стрелять и даже попасть в цель, но не пройдет и двух секунд, как вы окажетесь на прицеле у целой армии. Если она умрет, это уже не имеет значения. А пока, Дэвид, ей необходимы ваш ум и хладнокровие.

— Но с чего мне начинать, Скэтбек?

— Нам известно, что Билл остановился в Лыжном клубе Брунсвилла. Но они не могли привезти туда Магги. Они отвезли ее туда, где никто не услышит ее криков.

— Черт бы тебя подрал! — процедил Коттер.

— Мы должны смотреть фактам в лицо, Дэвид. Если с Магги еще не кончено, можно не сомневаться, что Захари и новый принц «Крен-Ам» поедут повидаться с ней. И мы узнаем куда.

— Этот юноша на мотоцикле?

— Он и еще дюжина других. Мы знакомы с правилами этой игры, Дэвид, и постараемся не ударить лицом в грязь. Итак, мы знаем, что Билл Креншоу и Захари в городе. Вам удалось что-нибудь выяснить о местонахождении Старика? Старик — единственный шанс. Если бы нам удалось узнать, какую компрометирующую информацию получил Мак! Если б мы поняли, что же раскопал Мерфи...

Коттер застыл. Ну конечно! Как он раньше не догадался, что за странные друзья появились у Мартина Клиари и почему тот внезапно разбогател. В нескольких словах он передал Скэтбеку содержание разговора с Уоррреном Хантером и свои выводы.

— Это не очень много, Дэвид, но уже кое-что,— согласился Скэтбек.

Вернувшись в зал, Коттер снова позвонил в Вашингтон. Джулия Хартман уже ждала его.

— Я поговорила с Гвен Креншоу. Она понятия не имеет, где Старик. И хочет поговорить с вами по срочному делу. Дала мне свой личный телефон.

Коттер позвонил немедленно. Но никто не снимал трубку. Тогда он набрал номер поместья Креншоу. К телефону подошел мистер Баффит, управляющий.

— Миссис Креншоу уехала в Вашингтон,— ответил он.— И не сказала, когда вернется.

— А вы не подскажете мне, как найти Старика?

— Об этом могут знать только Билл и Захари.

Коттер вернулся к стойке бара.

— Где расположено поместье Клиари? — спросил он Уоррена Хантера.

— Примерно в трех милях отсюда, по дороге № 12.

Коттеру хотелось взглянуть на дом Клиари еще при свете: вдруг придется потом пробираться туда в темноте? Если люди Скэтбека заметят, что Билл Креншоу или Захари заезжали к бывшему сенатору, то станут понятными слова Мерфи о «странных друзьях» Мартина Клиари. А пока никто не сомневался в том, что Креншоу — его заклятые враги. Ведь Мак обесчестил Клиари и выгнал из сената.

Въезд в поместье перегораживала толстая железная цепь. За воротами начинался лес. Коттер вышел из машины и подошел к цепи. По обоим ее краям висели тяжелые замки.

— Если вам не назначена встреча, сенатор никого не принимает,— раздался металлический голос. Коттер огляделся в поисках динамика, но ничего не заметил.

— Как мне связаться с мистером Клиари? — спросил Коттер.

— Если вам неизвестен номер его личного телефона, надо написать сенатору письмо,— ответил голос.

— У меня очень важное дело.

— Если бы сенатор придерживался того же мнения, он бы меня предупредил.

Инстинкт подсказывал Коттеру, что за металлическим голосом скрывается пистолет. Для сельской местности сенатор слишком уж тщательно охранял себя. По спине Коттера пробежал холодок: именно сюда они могли привезти Магги.

Коттер развернулся и медленно поехал обратно к городу. Лес подступал прямо к дороге, но он не заметил никакой изгороди, окружающей поместье. Ничто не мешало ему поставить машину на обочине и подойти поближе к дому. Почему бы не попробовать, решил он. Коттер углубился в лес. Идти было трудно. Снег доходил до пояса. Когда он добрался до опушки, наступила уже глубокая темь. В доме горели все огни, а пространство вокруг него освещалось прожекторами. Казалось, что тут ждут гостей или... опасаются, как бы кто-то не пришел незваным. Во всяком случае, подойти незамеченным ближе чем на пятьдесят ярдов было невозможно. Дом выглядел как крепость, а не загородная резиденция удалившегося от дел государственного деятеля.

Коттер пошел назад. Выходя из леса, он заметил, что около «феррари» ходит какой-то человек с фонариком. Подойдя поближе, он понял, что это мотоциклист в голубом защитном шлеме, которого он видел днем. Парень снял шлем, и Коттер узнал бородатого Чарли.

— Я увидел вашу машину,— сказал тот,— и подумал, не случилось ли чего с вами.

— Вы искали меня? — спросил Коттер.

— Нет. Я следил за Креншоу и Захари. Захари отвез Креншоу в Лыжный клуб, а потом уехал. Захари подъехал к каменным воротам чуть дальше по этой дороге.

— Там цепь перегораживает въезд,— заметил Коттер.

— Правильно, но у Захари был ключ. Он открыл замок, въехал, повесил цепь на место и поехал дальше в лес... Там дом Клиари, бывшего сенатора. Из-за Мака он оказался не у дел. Странно: у человека Креншоу оказался ключ от поместья Клиари!

Именно об этом и подумал Джек Мерфи, решил Коттер. А присутствие Захари означает новые страдания для Магги.

— Где нам найти Скэтбека? — спросил он.

— Я его найду,— ответил Чарли.

— Многое говорит за то, что Магги в этом доме. Я останусь здесь на случай, если ее захотят увезти.

Окончание следует

Сокращенный перевод с английского
В. ВЕБЕРА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

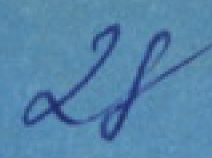
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Э. М. САГАЛАЕВ, Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 09.07.84. Подп. к печ. 27.08.84. А00801. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1276.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

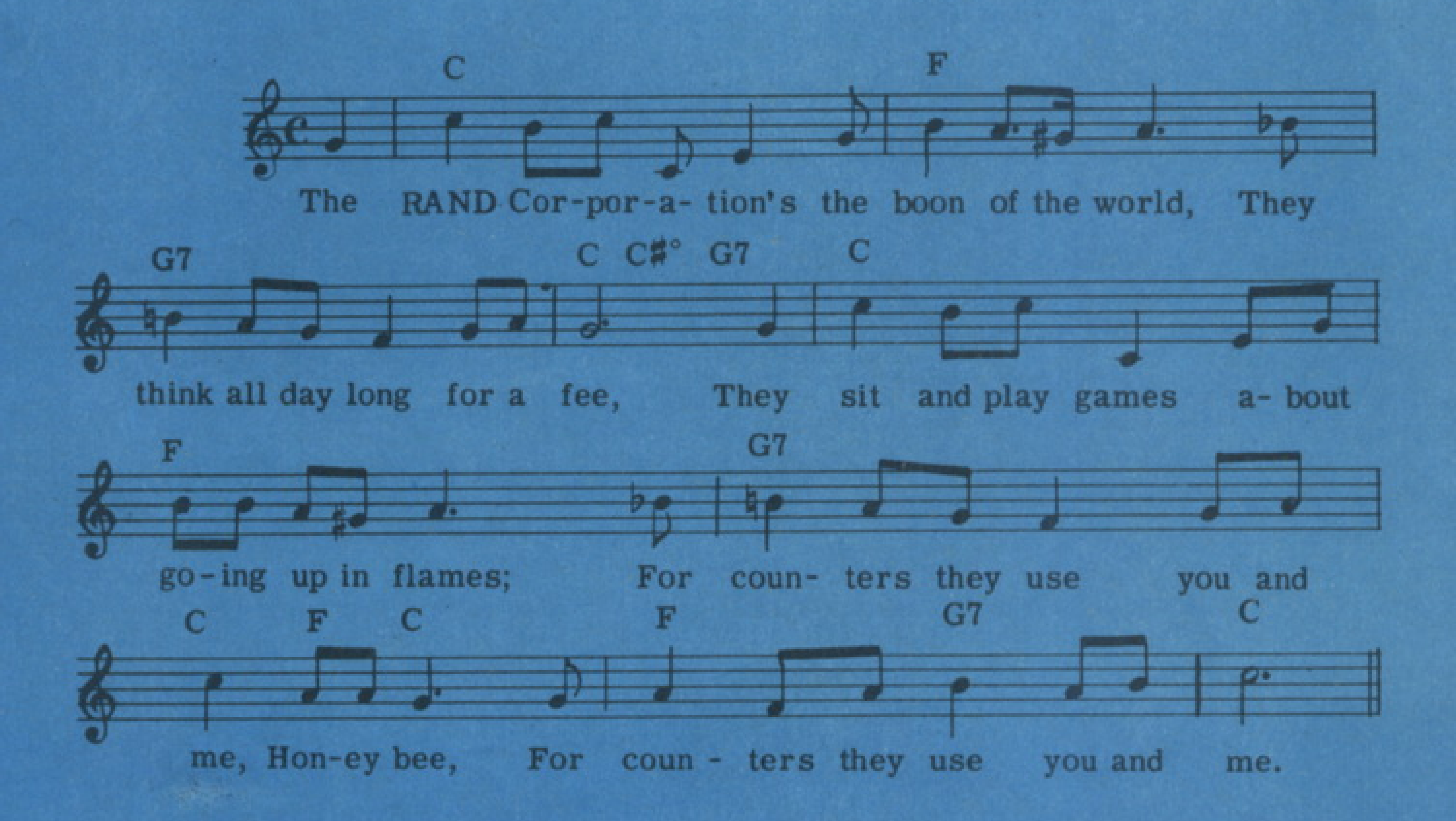

Песни тех, фестивальных лет...

Корпорация РЭНД, о которой поет известная американская исполнительница и автор песен протеста Мальвина Рейнольдс,— один из тех врагов мира, что не особенно скрывают свое лицо. Созданная по инициативе ВВС США в 1946 году, «РЭНД корпорейшн» открыто объявила о своей задаче: «Изучение предпочтительных приемов и средств ведения межконтинентальных боевых действий». В переложении для собственных сотрудников та же задача звучала доходчивым и бодрящим лозунгом, заботливо прикрепленным на стенах офиса этой «фабрики мысли»: «Будь поджигателем войны — возможно, тем самым ты спасаешь свое рабочее место!»

«Это просто отлично,— поет саркастически Мальвина Рейнольдс,— что старая добрая РЭНД на нашей стороне. Ну пусть миллион поджарится, зато уцелеет в подземелье старая добрая РЭНД! Росчерк пера — и мы из людей превратимся в цифирь, в светящийся ноль на стене. А исчезни эти ноли со стены, ну кого это тронет, кого взволнует! Ведь, слава богу, уцелеют гениальные гены сотрудников РЭНД; ведь, слава богу, всех нас спасут от врага похлеще, чем смерть. Вот только кто спасет людей от корпорации РЭНД!»

Так пела Мальвина Рейнольдс в песне, созданной в 1961 году. А спустя год в Хельсинки эту песню пели и участники VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Jt's so nice know we have RAND
on our side,
We'll always have good old RAND
around,
A million will be fried out, but in some
neat hideout,
RAND will be safe underground.
praise the Lord,
RAND will be safe underground.

With a stroke of the pen, they can
change us from men
Into numbers that flash on the wall,
These brainy heroes transform us to
zeros.
So who gives a damn if we fall, after
all,
Who gaves a damn if we fall?

Their superior genes will be safe
behind screens,
With the rest of our line doomed
to die,
They'll be all sorted out beyond shadow
of doubt,
By the all — wise electronic eye —
bow down
To the mighty electronic eye.

They will rescue us all from a fate
worse then death,
With a touch of the push-button hand;
We'll be saved at one blom from the
designated foe,
But who's going to save us from RAND,
dear Lord,
Who's going to save us from RAND?

Индекс 70781
Цена 35 коп.